

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований

sgjournal.ru

№ 1 (4) / 2022

Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований

№ 1 (4)

Вологда 2022

Издается с июля 2021 года

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний»

Главный редактор:

Е. Л. Харьковский

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой
право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Дата выхода в свет: 29.03.2022

Журнал представлен на сайте в свободном бесплатном доступе
в полнотекстовом формате

Адрес редакции: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2
Телефоны: (8172) 51-82-50, (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70
E-mail: sgjournal@mail.ru

Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: sgjournal.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства
массовой информации Эл № ФС77-81296 от 09.06.2021

© ВИПЭ ФСИН России, 2022

All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities

No. 1 (4)

Vologda 2022

Founded in July 2021

Issued four times a year

Founder:

Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education
“Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia”

Editor-in-Chief:

Evgeny L. Kharkovsky

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher.
Manuscripts are reviewed and not returned to the authors. The editor reserves the right
to abridge and edit the manuscripts submitted

Date of publication: March 29, 2022

The journal is available online and provides open
and free-of-charge access to its content in full-text format

Address of the editorial office:

2, Shchetinin street, Vologda, 160002, Russian Federation

Phones : (8172) 51-46-12, (8172) 51-82-50, (8172) 51-98-70

E-mail : sgjournal@mail.ru

Website: sgjournal.ru

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media. Certificate of registration

EI No. FS77-81296 dated June 9, 2021

© VIPE FSIN Russia, 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (главный редактор);

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор (заместитель главного редактора);

Ласточкин А. Н. – старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент (ответственный секретарь);

Вахнина В. В. – профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, доктор психологических наук, профессор;

Ганишина И. С. – начальник кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России, доктор психологических наук, доцент;

Егоров А. Н. – заведующий кафедрой истории и философии Череповецкого государственного университета, доктор исторических наук, доцент;

Касаткина С. С. – профессор кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета, доктор философских наук, доцент;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Малышев К. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, доцент;

Оботурова Н. С. – профессор кафедры философии и истории психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор философских наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Поздняков В. М. – профессор кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Стуканов В. Г. – начальник кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь, доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, профессор;

Токомбаева А. Т. – профессор кафедры криминалистики, специальной техники и психологии Академии МВД им. Э. Алиева Киргизской Республики, кандидат психологических наук, доцент.

EDITORIAL BOARD:

Evgeny L. Kharkovsky – Head of VIPE FSIN Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor (Editor-in-Chief);

Elvira V. Zautorova – professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at VIPE FSIN Russia, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Deputy Editor-in-Chief);

Aleksandr N. Lastochkin – senior researcher of the Research Laboratory at the Organizational and Research Department of VIPE FSIN Russia, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor (Executive Secretary);

Viktoriya V. Vakhnina – professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Sciences (Psychology), Professor;

Irina S. Ganishina – head of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at the Academy of FSIN Russia, Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Andrei N. Egorov – head of the Department of History and Philosophy at Cherepovets State University, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Svetlana S. Kasatkina – professor of the Department of History and Philosophy at Cherepovets State University, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Aleksandr L. Kuzminykh – professor of the Department of Philosophy and History at the Faculty of Psychology of VIPE FSIN Russia, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Konstantin B. Malyshev – professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at the Faculty of Psychology of VIPE FSIN Russia, Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Natal'ya S. Oboturova – professor of the Department of Philosophy and History at the Faculty of Psychology of VIPE FSIN Russia, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Oksana B. Panova – professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at the Faculty of Psychology of VIPE FSIN Russia, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor;

Vyacheslav M. Pozdnyakov – professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology at Moscow State Psychological and Pedagogical University, Doctor of Sciences (Psychology), Professor;

Vitalii G. Stukanov – head of the Department of Psychology and Pedagogy at the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Doctor of Sciences (Pedagogy), Candidate of Sciences (Psychology), Professor;

Aisulu T. Tokombaeva – professor of the Department of Criminalistics, Special Technique and Psychology at Ergesh Aliyev Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

СОДЕРЖАНИЕ

КУКЛИНА Л. В.

Особенности становления педагогической компетентности сотрудников
уголовно-исполнительной системы и некоторые подходы к определению
ее содержания7

КАЛИНКИНА Е. М.

Специфика представлений о себе подростков, демонстрирующих склонности
к отклоняющемуся поведению15

СПЕРАНСКАЯ А. В.

Психологическая готовность как фактор профессиональной успешности
сотрудников исправительного учреждения23

БЕЛОВА Н. А.

Соловецкий узник Петр Калнышевский: к историографии вопроса31

ОБОТУРОВА Н. С.

Идея как конструкт целостной системы знания.....44

АУЛА Е. Р.

Философские ценности добровольчества как социального феномена
современной жизни51

КОНОНОВ А. А.

Взаимодополнительность права и морали в контексте взглядов И. Канта
и М. М. Бахтина57

CONTENT

LARISA V. KUKLINA

Features of the Formation of Pedagogical Competence of Penal System Employees
and Some Approaches to Determining Its Content7

EVGENIYA M. KALINKINA

Specifics of the Self-Image of Adolescents Who Demonstrate a Tendency to Deviant
Behavior15

ALEKSANDRA V. SPERANSKAYA

Psychological Readiness as a Factor of Professional Success of Correctional
Institution Employees23

NADEZHDA A. BELOVA

Solovetsky Prisoner Petr Kalnyshevskii: to the Historiography of the Issue31

NATAL'YA S. OBOTUROVA

Idea as a Construct of the Integral System of Knowledge44

EKATERINA R. AULA

Philosophical Values of Volunteerism as a Social Phenomenon of Modern Life51

ALEKSEI A. KONONOV

Complementarity of Law and Morality in the Context of Views of I. Kant
and M.M. Bakhtin57

УДК 378.09

Особенности становления педагогической компетентности сотрудников уголовно-исполнительной системы и некоторые подходы к определению ее содержания

ЛАРИСА ВЛАДИСЛАВОВНА КУКЛИНА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, kuklv@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется педагогический компонент личностно-профессиональной компетентности сотрудников УИС. Определены особенности педагогической деятельности сотрудников УИС, выявлена ее специфика. Педагогическая компетентность рассматривается как интегрированный результат обучения и личностного развития сотрудника, а также условие эффективного осуществления им педагогической деятельности.

Ключевые слова: педагогическая компетентность сотрудника уголовно-исполнительной системы; личностно-профессиональная компетентность; педагогическая деятельность.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Куклина Л. В. Особенности педагогической компетентности сотрудников уголовно-исполнительной системы и некоторые подходы к определению ее содержания // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2022. № 1 (4). С. 7–14.

Features of the Formation of Pedagogical Competence of Penal System Employees and Some Approaches to Determining Its Content

LARISA V. KUKLINA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary
Service of Russia, Vologda, Russia, kuklv@mail.ru

Abstract. The article considers the pedagogical component of personal and professional competence of penal system employees. Features of pedagogical activity of penal system employees are determined. Pedagogical competence is considered as an integrated result of training and personal development of an employee, as well as condition for effective implementation of pedagogical activity. Specifics of pedagogical activity of penal system employee is revealed.

Keywords: pedagogical competence of a penal system employee; personal and professional competence; pedagogical activity.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Kuklina L.V. Features of the formation of pedagogical competence of penal system employees and some approaches to determining its content. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2022, no. 1 (4), pp. 7–14.

В современных сложных и нестабильных социально-экономических условиях значительно возросли требования к личности профессионала в различных сферах деятельности. Особенно ярко это проявилось по отношению к сотрудникам уголовно-исполнительной системы, так как их профессиональная деятельность осуществляется в ситуации противодействия со стороны осужденных – носителей криминальной субкультуры, в достаточно изолированных условиях, связана с жесткой нормативной регламентацией. Все это обуславливает возникновение у сотрудников различных «профессиональных болезней», проявляющихся в профессиональной деформации, эмоциональном выгорании, снижении интереса к профессиональной деятельности, что в совокупности препятствует развитию их профессионализма. Поэтому при профессиональной подготовке будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы важно четко определить основные «линии» подготовки, которые обеспечат развитие профессиональной компетентности сотрудников исправительных учреждений и будут залогом успешности их профессиональной деятельности.

Важнейшей характеристикой современного специалиста является его личностно-профессиональная компетентность, своеобразие которой состоит в сочетании характеристик личности и проявлении профессиональных компетенций в процессе осуществления профессиональной деятельности.

Сущность профессиональной компетентности выражена в уровне сформированности целого комплекса качеств, которые отвечают требованиям службы в исправительных учреждениях. Так, В. И. Купцов и Г. С. Карпова считают, что профессиональная компетентность сотрудников уголовно-исполнительной системы есть «совокупность профессионально важных личностных качеств, общих и специфических знаний, умений и навыков, необходимых для эффективного осуществления сотрудниками своей профессиональной деятельности, а также для их личностного и профессионального роста» [5, с. 23].

Г. С. Карпова в своем диссертационном исследовании моделирует структуру профессиональной компетентности сотрудника уголовно-исполнительной системы, выделяя в ней следующие элементы: специальный (операционно-технологический), этико-поведенческий, профессиональный психолого-педагогический.

Г. С. Карпова, характеризуя сущность психолого-педагогического компонента, отмечает, что «психолого-педагогический компонент объединяет мотивационно-ценностную направленность сотрудника и когнитивно-креативные, эмоционально-волевые, коммуникативно-управленческие, рефлексивные психологические профессионально важные качества и способности, необходимые ему для успешного обучения и осуществления профессиональной деятельности» [3, с. 14]. То есть педагогический компонент, с точки зре-

ния Г. С. Карповой, объединяет все остальные компоненты, отражает активность личности в профессиональной деятельности.

На роль педагогического компонента в структуре профессиональной деятельности указывает и А. Н. Сапожников. Он подчеркивает, что педагогическая компетентность сотрудников как часть их профессиональной компетентности есть не что иное, как «система знаний, интеллектуальных и предметно-практических умений, обеспечивающих понимание и реализацию педагогических задач воспитания и исправления осужденных, система создания условий для их социальной реабилитации» [6, с. 195]. Основная роль в формировании педагогической компетентности у сотрудников уголовно-исполнительной системы отводится служебной подготовке, при этом педагогический компонент должен быть частью психологического, общественно-государственного, специального и правового разделов.

Акцентируя внимание на значимости педагогических знаний в профессиональной деятельности отдельных категорий сотрудников уголовно-исполнительной системы, Э. В. Зауторова предлагает выделять профессиональную компетентность, например, сотрудника-воспитателя, под которой «понимается единство его теоретической и практической готовности к осуществлению воспитательного процесса в местах лишения свободы, включающей знания нормативно-правовой базы, психологическую подготовленность для работы в условиях изоляции, выработку личных положительных качеств, постоянное совершенствование своих профессиональных навыков, требовательность к себе и окружающим, личную дисциплинированность» [1, с. 109], то есть педагогическая компетентность сотрудника обеспечивает эффективность деятельности уголовно-исполнительной системы с точки зрения исправления осужденных.

Несколько иной подход к рассмотрению педагогической компетентности представлен в работе Ю. В. Шилова, А. Р. Геланова, которые считают, что эффективность профессиональной деятельности персонала УИС определяется тремя составляющими: «а) теоретической подготовленностью к общению на основе знаний педагогики и психологии, а также современных технологий и методик; б) мотивационно-личной готовностью к различным формам взаимодействия на основе педагогических знаний и навыков; в) практической готовностью к решению педагогических задач посредством оценки имеющегося ресурсного потенциала субъекта взаимодействия» [8, с. 376].

Анализ психолого-педагогической литературы показывает, что: 1) в работах исследователей педагогической компетентности отводится важное место в структуре профессиональной компетентности; 2) большинство исследователей рассматривают ее как средство интеграции других составляющих в единое целое; 3) педагогическая компетентность выступает как фактор активизации личностных ресурсов в профессиональной деятельности сотрудников УИС; 4) служебная подготовка или отдельные ее разделы могут стать основой формирования педагогической компетентности сотрудников УИС.

Вместе с тем в диагностическом исследовании, проведенном Э. В. Зауторовой, показано, что «большинство сотрудников не готовы к реальному ис-

правительному процессу в местах лишения свободы, имеют недостаточный уровень профессионально-педагогической компетентности для осуществления воспитательной работы с осужденными» [2, с. 35].

Следовательно, в настоящее время в практике наблюдается целый ряд противоречий, характеризующих педагогические аспекты деятельности сотрудников и их влияние на эффективность уголовно-исполнительной системы:

- между необходимостью повышения эффективности воспитательной работы с осужденными в местах лишения свободы и недостаточностью обучения, проводимого в рамках служебной подготовки, которое направлено на формирование педагогической компетентности сотрудников;

- требованиями к педагогической компетентности сотрудников уголовно-исполнительной системы, обсуждаемыми в психолого-педагогической литературе, и практикой педагогической деятельности сотрудников в разных типах исправительных учреждений;

- требованиями, предъявляемыми к педагогической компетентности сотрудника в профессиональной деятельности как целостному образованию, и сложившимся способом формирования педагогической компетентности сотрудников УИС в рамках дисциплин, не связанных между собой ни элементами преемственности, ни содержанием, реализуемых в процессе профессиональной подготовки будущих сотрудников в ведомственных образовательных организациях высшего образования.

Рассмотрим особенности педагогической деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы в контексте специфики их профессиональной деятельности, подразумевая, что именно педагогическая деятельность является выражением сущности их педагогической компетентности.

В психолого-педагогической литературе педагогическая деятельность рассматривается как «особый вид социальной деятельности, направленный на передачу от старших поколений к младшим накопленного человечеством культуры и опыта, создание условий для их личностного развития и подготовку к выполнению определенных социальных ролей в обществе» [7, с. 9].

Однако применительно к деятельности сотрудника уголовно-исполнительной системы следует сразу же внести уточнения, связанные с тем, что речь идет о работе с уже сформировавшимися взрослыми людьми, принимающими ценности тюремной субкультуры, развитие которых связывается с исправлением и формированием новых ценностей, основанных на уважительном отношении человека к труду, обществу. Специфика педагогической деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы заключается в том, что ее результат не только социально значим, но и закреплён в УИК РФ. Так, понятие «исправление» содержится в ч. 1 ст. 9 УИК РФ: это формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование их правопослушного поведения.

В комментариях к кодексу поясняется, что речь идет о моральном аспекте – нравственном исправлении, а не только об исправлении осужденного

как юридическом факте, проявляющемся в отсутствии рецидива. Процесс нравственного исправления предполагает, что ценности человеческого общежития осужденный принимает осознанно, а не из-за боязни нового наказания.

Отметим, что задача нравственного исправления осужденных реализуется персоналом учреждений уголовно-исполнительной системы в строго регламентируемых условиях, что воспринимается осужденными как общественная кара, а принудительный характер этого процесса вызывает их внутреннее сопротивление. Более детальная характеристика сущности и содержания педагогической деятельности сотрудника уголовно-исполнительной системы возможна при рассмотрении ее как педагогической системы.

В психолого-педагогической литературе принято выделять такие компоненты педагогической деятельности, как цель, содержание, средства, объект, субъект, планируемый результат, каждый из которых в условиях исполнения наказания приобретает свою специфику. Так, Н. В. Кузьмина следующим образом характеризует педагогическую деятельность: «Ее объект – личность другого человека; ее цель – развитие и воспитание этой личности в определенном направлении; ее содержание – приобщение личности к опыту человечества; ее средства – организация соответствующей деятельности объекта воспитания; ее специфика в том, что ее объект одновременно является субъектом педагогической деятельности» [9, с. 7].

Опишем структуру педагогической деятельности сотрудника уголовно-исполнительной системы, отражая специфику ее компонентов.

1. Цели деятельности сотрудников определены обществом (государством), нормативно закреплены в УИК РФ, то есть конечные результаты педагогической деятельности сотрудника уголовно-исполнительной системы четко обозначены. Основная цель – создать условия, выбрать методы, обеспечивающие исправление личности осужденных.

Цель педагогической деятельности в общем смысле – это трансляция социального опыта, основанная на преемственности поколений и введении человека в систему социальных коммуникаций посредством использования его природных возможностей. Однако в исправительном учреждении эта цель достигается в условиях изоляции, искусственно созданном обществе. Конкретные методы, средства решения задачи, определенной в цели, сотрудник должен избирать сам, соотносясь с педагогическими условиями. Таким образом, цель педагогической деятельности социально и нормативно задана и нестандартна по задачам в конкретных педагогических условиях. Этот факт требует от сотрудника гибкости, умения выстраивать стратегические и тактические педагогические задачи, выбирая их решение при сопоставлении с реальной конкретной обстановкой.

2. Управлять другим человеком, его деятельностью, поведением достаточно сложно, особенно если этот человек – осужденный. Большинство осужденных живет одним днем, перспективы будущего для них слишком отдаленны и одновременно связаны с большим количеством страхов, неопределенностью. Все это приводит к тому, что цель воспитания, объективиро-

ванная в голове сотрудника, так и остается дальней и не востребованной до тех пор, пока не «прорастет» в педагогическую позицию воспитателя, лично заинтересованного в исправлении данного осужденного.

Поэтому педагогическая деятельность требует от сотрудника личностного принятия социальной задачи общества, а ее реализация возможна при наличии у него умения учитывать интересы осужденного, его личностные особенности и преобразовывать их в заданные цели воспитательной и учебной деятельности.

3. Объект педагогического труда, по выражению В. А. Сухомлинского, есть человек, «тончайшие сферы духовной жизни формирующейся личности – ум, чувства, воля, убежденность, самосознание».

Особенностью объекта педагогической деятельности в условиях пенитенциарной системы является то, что осужденный – это, как правило, взрослый человек с уникальным набором личностных свойств, имеющий сформированное отношение к процессу исполнения наказания. Это соучастник педагогического процесса с приставкой «анти», цели, мотивы, личное поведение которого часто направлены в противоположную сторону, нежели это видится воспитателю. Необходимо понимать, что процесс перевоспитания возможен только при условии, что сам воспитуемый является субъектом воспитательной деятельности, а перевоспитание плавно перетекает в процесс самовоспитания. Таким образом, основная цель педагогической деятельности будет заключаться в том, чтобы «запустить» у личности процесс собственного воспитания.

4. Одновременно с целенаправленным воспитательным воздействием на осужденного влияет и все окружение, действия которого носят более разнообразный характер и являются более сильными, нежели действия воспитателя. Поэтому достижение запланированного результата педагогической деятельности возможно только при условии коррекции влияния всех факторов на личность осужденного. В целом суть педагогического воздействия заключается в том, чтобы сделать осужденного «соратником, соучастником педагогического процесса».

5. Основное средство влияния на осужденного – это не только личность сотрудника (его знания, умения), но и меры правового воздействия, закрепленные в УИК РФ. Однако главную воспитательную функцию несет в себе личность самого воспитателя. Поэтому если осужденные не воспринимают личность воспитателя, то демонстрируют сопротивление его действиям. В условиях пенитенциарной системы к средствам исправления относят также виды деятельности, в которые включаются осужденные: труд, общение, учение. Одним из главных средств исправления является режим.

6. К основным формам педагогической деятельности, выделяемым традиционно, относятся преподавание и воспитательная работа. В условиях исправительного учреждения ведущим видом педагогической деятельности сотрудников УИС является воспитание.

Таким образом, педагогическая деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы имеет свою специфику, которая отражается в ее

структурно-функциональной модели и определяет содержание педагогической компетентности. Это свидетельствует о необходимости целенаправленного формирования педагогической компетентности будущих специалистов УИС.

Большая часть сотрудников вовлечена в воспитательную работу с осужденными, и потому подготовка к педагогической деятельности должна осуществляться не только в период обучения в ведомственных образовательных организациях высшего образования, но и на этапе профессиональной деятельности в рамках служебной подготовки. Стоит отметить, что в настоящее время в литературе не определена точно структура педагогической компетентности сотрудника уголовно-исполнительной системы, варьируется как число выделяемых компонентов, так и их содержание, поэтому перспективы данного исследования могут быть связаны с выявлением структуры педагогической компетентности, ее инвариантной и вариативной частей, разработкой стратегий ее формирования в условиях профессиональной подготовки, повышения квалификации и профессиональной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зауторова, Э. В. Профессионально-педагогическая компетентность сотрудников уголовно-исполнительной системы в организации нравственно-эстетического воспитания осужденных, лишенных судом свободы / Э. В. Зауторова // Прикладная юридическая психология. – 2009. – № 1. – С. 103–108.
2. Зауторова, Э. В. Профессионально-педагогическая компетентность сотрудников уголовно-исполнительной системы и исправление осужденных / Э. В. Зауторова // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2020. – № 3. – С. 34–36.
3. Карпова, Г. С. Психолого-педагогические факторы и условия развития профессиональной компетентности сотрудников исправительных учреждений : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Карпова Галина Сергеевна. – Москва, 2019. – 27 с.
4. Кузьмина, Н. В. Методы исследования педагогической деятельности / Н. В. Кузьмина. – Ленинград : ЛГУ, 1970. – 144 с.
5. Купцов, И. И. Модель профессиональной компетентности сотрудников ФСИН России / И. И. Купцов, Г. С. Карпова // Прикладная юридическая психология. – 2013. – № 4. – С. 20–30.
6. Сапожников, А. Н. Формирование педагогической компетентности сотрудников уголовно-исполнительной системы / А. Н. Сапожников // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 1. – С. 194–198. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-pedagogicheskoy-kompetentnosti-sotrudnikov-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy> (дата обращения: 02.03.2022).
7. Слостенин, В. А. Педагогика : учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / В. А. Слостенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов ; под редакцией В. А. Слостенина. – Москва : Академия, 2002. – 576 с.
8. Шилов, Ю. В. Некоторые аспекты содержания педагогической компетентности сотрудников уголовно-исполнительной системы / Ю. В. Шилов, А. Р. Геланов // Евразийское научное объединение. – 2020. – Том 12, № 5 (70). – С. 375–378.

REFERENCES

1. Zautorova E.V. Professional and pedagogical competence of employees of the penitentiary system in the organization of moral and aesthetic education of convicts deprived of liberty by the court. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2009, no. 1, pp. 103–108. (In Russ.).
2. Zautorova E.V. Professional and pedagogical competence of employees of the penal enforcement system and correction of convicts. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal-Executory System: law, economy, management, Management*, 2020, no. 3, pp. 34–36. (In Russ.).
3. Karpova G.S. *Psikhologo-pedagogicheskie faktory i usloviya razvitiya professional'noi kompetentnosti sotrudnikov ispravitel'nykh uchrezhdenii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk* [Psychological and pedagogical factors and conditions for the development of professional competence of correctional officers: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation abstract]. Moscow, 2019. 27 p.
4. Kuz'mina N.V. *Metody issledovaniya pedagogicheskoi deyatel'nosti* [Methods of studying pedagogical activity]. Leningrad: LGU, 1970. 144 p.
5. Kuptsov I.I., Karpova G.S. Model of professional competence of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2013, no. 4, pp. 20–30. (In Russ.).
6. Sapozhnikov A.N. Formation of pedagogical competence of employees of the penal system. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2011, no. 1, pp. 194–198. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-pedagogicheskoy-kompetentnosti-sotrudnikov-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy> (In Russ.). (Accessed March 2, 2022).
7. Slastenin V.A., Isaev I.F., Shiyanov E.N. *Pedagogika: uchebnoe posobie dlya studentov vysshih pedagogicheskikh uchebnykh zavedenii* [Pedagogy: textbook for students of higher pedagogical educational institutions]. Moscow: Akademiya, 2002. 576 p.
8. Shilov Yu.V., Gelanov A.R. Some aspects of the content of pedagogical competence of employees of the penal system. *Evrasiiskoe nauchnoe ob"edinenie = Eurasian Scientific Association*, 2020, vol. 12, no. 5 (70), pp. 375–378. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛАРИСА ВЛАДИСЛАВОВНА КУКЛИНА – кандидат педагогических наук, доцент, старший преподаватель кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, kuklv@mail.ru

LARISA V. KUKLINA – Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Senior Lecturer of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, kuklv@mail.ru

Статья поступила 02.03.2022

УДК 159.9

Специфика представлений о себе подростков, демонстрирующих склонности к отклоняющемуся поведению

ЕВГЕНИЯ МИХАЙЛОВНА КАЛИНКИНА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, emkalinkina2010@rambler.ru

Аннотация. В статье описывается исследование, направленное на изучение особенностей образа-Я подростков, проявляющих склонность к девиантному поведению. Согласно его результатам данная категория несовершеннолетних характеризуется низким уровнем дифференцированности и временной интегрированности образа-Я. Полученные данные могут быть использованы при работе с детьми подросткового возраста, разработке соответствующих профилактических и коррекционных программ.

Ключевые слова: подростки; склонность к девиантному поведению; образ-Я; дифференцированность образа-я; временная интегрированность.

5.3.4. Педагогическая психология.

Для цитирования: Калинкина Е. М. Специфика представлений о себе подростков, демонстрирующих склонности к отклоняющемуся поведению // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2022. № 1 (4). С. 15–22.

Specifics of the Self-Image of Adolescents Who Demonstrate a Tendency to Deviant Behavior

EVGENIYA M. KALINKINA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary
Service of Russia, Vologda, Russia, emkalinkina2010@rambler.ru

Abstract. The article describes the research aimed at studying features of the self-image of adolescents showing a tendency to deviant behavior. According to its results, this category of minors is characterized by a low level of differentiation and temporary integration of the self-image. The data obtained can be used when working with adolescent children, developing appropriate preventive and correctional programs.

Keywords: minors; tendency to deviant behavior; self-image; self-image differentiation; temporary integration.

5.3.4. Educational psychology.

For citation: Kalinkina E.M. Specifics of the self-image of adolescents who demonstrate a tendency to deviant behavior. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2022, no. 1 (4), pp. 15–22.

Проблема девиантного поведения подростков на протяжении многих лет вызывает большой интерес как у практиков, так и у ученых. Девиантное поведение само по себе с момента своего возникновения представляло некоторую опасность для социальной стабильности. Оно всегда было нежелательным явлением, которое общество пыталось предупредить. Профилактику девиантного поведения разумно проводить на ранних этапах становления человеческой личности, в частности в подростковом возрасте [1].

Современный подросток развивается в мире противоречий и неопределенности. Переходное состояние нашего общества сегодня способствует отклонениям в поведении и эмоциональном развитии личности [4]. Девиантное поведение подростков как форма нарушения социальных норм в настоящее время является важной психолого-педагогической проблемой в нашей стране.

Основная часть работ, посвященных личности подростков, склонных к отклоняющемуся поведению, а также системе их представлений о себе, относится к советскому периоду. На наш взгляд, представления об образе-Я подростков, склонных к девиантному поведению, нуждаются в обновлении. Кроме того, в большинстве работ представлены данные в целом о личностных особенностях подростков-девиантов, а также особенностях их мотивационно-волевой и аффективной сферы [2; 3]. Примечательно то, что некоторые авторы, например Ю. А. Клейберг, видят непосредственную связь девиантного поведения с Я-концепцией личности подростка, а следовательно, и ее когнитивным компонентом – образом-Я. Следовательно, нам необходимо понять, какие особенности представлений о себе характерны для современных подростков, которые проявляют склонность к различным формам девиантного поведения [5].

Целью нашего исследования является выявление и анализ особенностей образа-Я современных подростков, склонных к девиантному поведению.

Гипотеза исследования: у подростков, склонных к девиантному поведению, образ-Я отличается низким уровнем дифференцированности и временной интегрированности. Объектом исследования является система представлений о себе подростков, склонных к девиантному поведению. Предмет исследования – специфические особенности образа-Я подростков, склонных к девиантному поведению.

В исследовании использовались следующие методики: личностный опросник «Самовосприятие подростков» (С. Хартер), стандартизированный тест-опросник «Склонность к отклоняющемуся поведению» (А. Н. Орел), тест «Кто Я?» (М. Кун, Т. Макпартленд; модификация Т. В. Румянцевой).

В исследовании приняли участие обучающиеся 8–9 классов (возраст 14–15 лет) различных школ Вологодского района Вологодской области.

На основании результатов методики «Склонность к отклоняющемуся поведению», проведенной с участием 97 подростков, нами были выделены две группы испытуемых по 30 чел. В первую группу вошли подростки, проявляющие, согласно данным методики, склонность к девиациям в поведении, во вторую – подростки, не демонстрирующие склонности к такого рода поведе-

нию. Подростки, показавшие неоднозначные результаты, были исключены из дальнейшего исследования.

Проанализируем данные, полученные с помощью методики «Склонность к отклоняющемуся поведению». Для статистической обработки данных нами был использован непараметрический критерий Манна – Уитни для двух независимых выборок. Полученные данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Различия в тенденции к склонности к отклоняющемуся поведению
между первой и второй группами испытуемых

Параметры склонности к отклоняющемуся поведению	Средний ранг		U _{эмп}	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
	1 группа, склонные к девиантному поведению	2 группа, не склонные к девиантному поведению		
Установка на социально желательные ответы	26,53	34,47	331	0,070
Склонность к нарушению норм и правил	41,57	19,43	118**	0,000
Склонность к аддиктивному поведению	38,22	22,78	218,5**	0,001
Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	44,13	16,87	41**	0,000
Склонность к агрессии и насилию	42,12	18,88	101,5**	0,000
Волевой контроль эмоциональных реакций	39,1	21,9	192**	0,000
Склонность к делинквентному поведению	42,5	18,5	90**	0,000

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$.

В результате математической обработки данных были обнаружены статистически значимые различия между двумя группами по следующим шкалам: «Склонность к преодолению норм и правил» ($U_{\text{эмп}} = 118$, $p = 0,000$), «Склонность к аддиктивному поведению» ($U_{\text{эмп}} = 218,5$, $p = 0,001$), «Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению» ($U_{\text{эмп}} = 41$, $p = 0,000$), «Склонность к агрессии и насилию» ($U_{\text{эмп}} = 101,5$, $p = 0,000$), «Волевой контроль эмоциональных реакций» ($U_{\text{эмп}} = 192$, $p = 0,000$), «Склонность к делинквентному поведению» ($U_{\text{эмп}} = 90$, $p = 0,000$). То есть испытуемые первой группы показывают большую готовность к преодолению норм и правил, отрицанию общепринятых норм и ценностей, образцов поведения, противопоставлению собственных норм и ценностей групповым, к реализации аддиктивного поведения, уходу от реальности посредством изменения своего психического состояния, также они склонны к реализации агрессивных тенденций в поведении, различных форм аутоагрессивного поведения, имеют слабый контроль

поведенческих проявлений эмоциональных реакций, несформированный волевой контроль своих потребностей и чувственных влечений, показывают большую готовность к реализации делинквентного поведения.

Далее обратимся к анализу результатов по методике «Самовосприятие подростков». Для статистической обработки данных нами был использован непараметрический критерий Манна – Уитни для двух независимых выборок. Результаты математической обработки данных, полученных с помощью методики «Самовосприятие подростков», представлены в табл. 2.

Таблица 2

Сравнительный анализ результатов методики «Самовосприятие подростков»

Шкала самовосприятия	Средний ранг		U _{эмп}	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
	1 группа, склонные к девиантному поведению	2 группа, не склонные к девиантному поведению		
Школьная компетентность	34,25	26,75	337,5	0,094
Социальное принятие	33,83	27,17	350	0,137
Атлетическая компетентность	33,73	27,27	353	0,149
Физическая форма	29,75	31,25	427,5	0,738
Профессиональная компетентность	33,73	27,27	353	0,146
Романтическое влечение	34	27	345	0,117
Поведенческие действия	22,52	38,48	210,5**	0,000
Близкие дружеские отношения	35,38	25,62	303,5*	0,030
Глобальная/общая самооценка	31,28	29,72	426	0,727

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$.

Анализ результатов по данной методике показал, что существуют статистически значимые различия по шкале «Поведенческие действия» ($U_{\text{эмп}} = 210,5$, $p = 0,000$). В частности, подростки, относящиеся к группе склонных к девиантному поведению, в большей степени ориентированы на преодоление общепринятых правил, у них ниже уровень самоконтроля, что соотносится с результатами применения методики «Склонность к отклоняющемуся поведению». Данные несовершеннолетние чаще совершают поступки, которые не должны совершать, склонны противопоставлять свои собственные ценности и нормы групповым, а также имеют тенденцию нарушать спокойствие, искать трудности, которые можно преодолевать, нередко попадая при этом в неприятные ситуации и вызывая неодобрение окружающих.

Подростки, относящиеся к группе не склонных к девиантному поведению, в большей степени ориентированы на соблюдение социальных норм в поведении, самоконтроль. Им в большей степени нравится их поведение, они реже попадают в трудные ситуации, реже демонстрируют поведение, которое может вызвать неодобрение со стороны общества или референтной группы. В большинстве случаев они стараются поступать так, как положено

в данной ситуации, следуя нормам и правилам, принятым в обществе или группе.

Обнаружены статистически значимые различия по шкале «Близкие дружеские отношения» ($U_{\text{эмп}} = 303,5$, $p = 0,030$). Группа несовершеннолетних, склонных к отклоняющемуся поведению, выше оценивает свою способность к установлению дружеских отношений с людьми в целом, а также близких отношений с друзьями. Большинство таких подростков отмечают наличие у себя близких друзей, с которыми можно делиться тайнами и секретами. Возможно, это связано с тем, что подростки, склонные к девиантному поведению, нередко состоят в малых неформальных группах, которые часто бывают достаточно закрытыми, и близкими друзьями считают именно членов данных групп.

По шкале «Школьная компетентность» статистически значимых различий обнаружено не было. Это можно объяснить тем, что отсутствие учебных интересов, а также низкая оценка своих способностей и умений в условиях школы присущи в основном подросткам с более серьезными поведенческими отклонениями, в частности подросткам-правонарушителям, подросткам, у которых явно проявляется тенденция к делинквентному поведению.

Различия между группами подростков, склонных и не склонных к девиантному поведению, по шкале «Социальное принятие» также отсутствуют. Представители обеих групп примерно в равной степени оценивают свою популярность среди сверстников, а также способность заводить новых друзей и нравиться окружающим.

По итогам математической обработки данных по шкалам «Физическая форма», «Профессиональная компетентность», «Романтическое влечение» и «Глобальная/общая самооценка» статистически значимых различий между группами подростков, склонных и не склонных к девиантному поведению, не обнаружено.

Анализ результатов обследования испытуемых по методике «Кто Я?» дает основание сделать следующие выводы. Группа подростков, склонных к девиантному поведению, характеризуется высокими показателями по шкалам «Рефлексивное Я» (100 % испытуемых дали ответы, относящиеся к данной шкале), «Социальное Я» (90 %), «Деятельное Я» (87 %), средними показателями по шкалам «Физическое Я» (63 %) и «Коммуникативное Я» (53 %); низкими показателями по шкалам «Материальное Я» (33 %) и «Перспективное Я» (23 %).

Для группы подростков, не склонных к отклоняющемуся поведению, характерны высокие показатели по шкалам «Социальное Я» (100 %), «Рефлексивное Я» (100 %) и «Деятельное Я» (90 %), средние показатели по шкалам «Коммуникативное Я» (70 %), «Физическое Я» (67 %), «Перспективное Я» (53 %), низкие показатели по шкале «Материальное Я» (40 %).

При сравнении результатов двух групп испытуемых очевидны более высокие показатели по всем шкалам, кроме шкалы «Рефлексивное Я», в группе подростков, не склонных к девиантному поведению. Это говорит о более высоком уровне развития у них образа-Я.

Для подтверждения наших выводов проведем математическую обработку данных, полученных с помощью методики «Кто Я?». Для этого мы используем критерий Хи-квадрат (χ^2). Результаты представлены в табл. 3.

Таблица 3
Результаты статистической обработки данных методики «Кто Я?»

Шкалы	$\chi^2_{\text{эмп}}$	Асимптоматическая значимость (2-сторонняя)
Социальное Я	3,158	0,076
Коммуникативное Я	1,763	0,184
Материальное Я	1,111	0,292
Физическое Я	0,073	0,787
Деятельное Я	0,162	0,688
Перспективное Я	5,711*	0,017
Рефлексивное Я	–	–

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$.

Анализ полученных результатов показал, что существуют значимые различия в образе-Я подростков, склонных и не склонных к девиантному поведению, по шкале «Перспективное Я», или в показателях перспективной идентичности, то есть идентификационных характеристиках, которые связаны с жизненными планами и перспективами человека, его ожиданиями по поводу возможных вариантов развития предстоящих событий. Безусловно, для внутреннего благополучия подростков необходимо иметь положительный образ желаемого будущего. Он задает позитивный вектор развития индивидуальности, способствуя становлению целеустремленности формирующейся личности.

Психологическая зрелость помимо существования оптимистичных планов на будущее определяется также наличием такого компонента, как принятие себя, удовлетворенность своей личностью в настоящем времени и теми событиями, которые происходят в реальной жизни.

Подростки, имеющие склонность к девиантному поведению, описывают образ-Я, используя глаголы в будущем и прошедшем времени. Наоборот, те подростки, которые не имеют склонности к девиантному поведению, чаще используют глаголы настоящего и будущего времени. Данный факт может свидетельствовать о том, что подростки со склонностью к девиантному поведению фиксируют свои эмоциональные переживания в прошлом в ущерб настоящему. Это может происходить по нескольким причинам: либо из-за большей эмоциональной привлекательности прошлого по сравнению с сегодняшним днем, либо в силу фиксированности на глубокой травмирующей ситуации, которая имела место в прошлом. Частое использование при описании образа-Я глаголов в будущем времени также может говорить о неудовлетворенности тем положением, которое подросток занимает на сегодняшний день. Если же человек в основном использует формы глаголов настоящего времени, то он скорее всего удовлетворен тем порядком вещей, который установился в его сегодняшнем дне, принимает себя и события, происходящие в его жизни сейчас.

В результате эмпирического исследования нам удалось выявить, что у подростков, склонных к девиантному поведению, уровень дифференцированности ниже, чем у подростков, не склонных к девиациям в поведении. Наше предположение о том, что у подростков, проявляющих склонность к девиациям в поведении, уровень временной интегрированности ниже, чем у подростков, не склонных к девиантному поведению, подтвердилось данными, полученными в результате использования методики «Кто Я?». Подростки, склонные к проявлению девиаций, больше центрируют свое внимание на настоящем, у них меньшая направленность в будущее, что мы можем видеть по материалам шкалы «Перспективное Я».

Выявленные нами особенности образа-Я подростков, склонных к девиантному поведению, могут быть использованы при составлении рекомендаций для педагогов, работающих с данной категорией детей, а также при разработке соответствующих коррекционных и профилактических программ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воспитание трудного ребенка: дети с девиантным поведением : учебно-методическое пособие / под редакцией М. И. Рожкова. – Москва : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 240 с. – ISBN 5-691-00588-X.
2. Егоров, А. Ю. Клиника и психология девиантного поведения. Научное издание / А. Ю. Егоров, С. А. Игумнов. – Санкт-Петербург : Речь, 2010. – 398 с. – ISBN 978-5-9268-0887-9.
3. Змановская, Е. В. Девиантное поведение личности и группы : учебное пособие / Е. В. Змановская, В. Ю. Рыбников – Санкт-Петербург : Питер, 2012. – 352 с. – ISBN 978-5-4461-0835-0.
4. Калинкина, Е. М. Возможности применения техники репертуарных решеток Дж. Келли в диагностике Образа-Я подростков / Е. М. Калинкина, О. К. Соколовская, М. О. Цатурян // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – Кострома : КГУ, 2016. – Том 22, № 2. – С. 118–121.
5. Клейберг, Ю. А. Основы психологии девиантного поведения : монография / Ю. А. Клейберг. – Москва : Алеф-Пресс, 2014. – 231 с. – ISBN 978-5-905966-22-4.

REFERENCES

1. *Vospitanie trudnogo rebenka: deti s deviantnym povedeniem: uchebno-metodicheskoe posobie* [Upbringing of a difficult child: children with deviant behavior: educational and methodological manual]. Moscow: Gumanit. izd. tsentr VLADOS, 2001. 240 p.
2. Egorov A.Yu., Igumnov S.A. *Klinika i psikhologiya deviantnogo povedeniya. Nauchnoe izdanie* [Clinical picture and psychology of deviant behavior. Scientific publication]. Saint Petersburg: Rech', 2010. 398 p.
3. Zmanovskaya E.V., Rybnikov V.Yu. *Deviantnoe povedenie lichnosti i gruppy: Uchebnoe posobie* [Deviant behavior of personality and group: textbook]. Saint Petersburg: Piter, 2012. 352 p.
4. Kalinkina E.M., Sokolovskaya O.K., Tsaturyan M.O. Possibilities of using the method of repertory lattices J. Kelly in the diagnosis of adolescent self-image. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika=Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov.*

Series: *Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. Kostroma: KGU, 2016, vol. 22, no. 2, pp. 118–121. (In Russ.).

5. Kleiberg Yu.A. *Osnovy psikhologii deviantnogo povedeniya: monografiya* [Fundamentals of psychology of deviant behavior: monograph]. Moscow: Alef-Press, 2014. 231 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕВГЕНИЯ МИХАЙЛОВНА КАЛИНКИНА – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, emkalinkina2010@rambler.ru

EVGENIYA M. KALINKINA – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, associate professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, emkalinkina2010@rambler.ru

Статья поступила 24.02.2022

УДК 159.9

Психологическая готовность как фактор профессиональной успешности сотрудников исправительного учреждения

АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВНА СПЕРАНСКАЯ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, bersim@mail.ru

А н н о т а ц и я . В статье рассматривается связь между психологической готовностью и профессиональной успешностью у сотрудников исправительных учреждений. Оценка профессиональной успешности была выполнена экспертами. В качестве компонентов психологической готовности определены информированность о специфике профессиональной деятельности и мотивы выбора профессии на момент поступления на службу. Установлено, что профессионально успешные сотрудники были информированы полностью и ими двигали внутренние мотивы выбора профессии. У менее успешных в профессиональной деятельности сотрудников было сформировано поверхностное представление об особенностях будущей профессиональной деятельности, и они руководствовались внешними мотивами выбора профессии. Совпадение ожиданий и реальности способствует успешности освоения и выполнения профессиональной деятельности.

Ключевые слова: психологическая готовность; профессиональная успешность; взаимосвязь; информированность о профессии; мотивы выбора профессии; сотрудники; исправительное учреждение.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Сперанская А. В. Психологическая готовность как фактор профессиональной успешности сотрудников исправительного учреждения // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2022. № 1 (4). С. 23–30.

Psychological Readiness as a Factor of Professional Success of Correctional Institution Employees

ALEKSANDRA V. SPERANSKAYA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, bersim@mail.ru

Abstract. The article examines relations between psychological readiness and professional success among correctional officers. Assessment of professional success was carried out by experts. Awareness of the specifics of professional activity and motives for choosing a profession at the time of entering the service are identified as components of psychological readiness. It is found that professionally successful employees are fully informed, and they are driven by internal motives for choosing a profession. Less successful employees in their professional activities

have a superficial idea of the features of their future professional activity and they are guided by external motives for choosing a profession. Coincidence of expectations and reality contributes to the success of mastering and performing professional activities.

Key words: psychological readiness; professional success; relationship; awareness of the profession; motives for choosing a profession; employees; correctional institution.

5.3.9. Legal psychology and security psychology.

For citation: Speranskaya A.V. Psychological readiness as a factor of professional success of correctional institution employees. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2022, no. 1 (4), pp. 23–30.

Успешность освоения и выполнения любой профессиональной деятельности во многом зависит от психологической готовности человека к ее осуществлению. Деятельность сотрудников исправительных учреждений относится к профессиям, носящим экстремальный характер, выполняющимся в тяжелых условиях работы, имеющим повышенные требования к профессионально важным качествам сотрудников. Среди сотрудников исправительных учреждений можно выделить группы профессионально успешных и неуспешных. У исследователей, практиков и руководителей долгое время остается в фокусе внимания вопрос, от чего зависит степень профессиональной успешности. Мы считаем, что четкие, ясные, полные представления о будущей профессиональной деятельности и внутренняя мотивация выбора профессии способствуют формированию психологической готовности к конкретной профессиональной деятельности и обеспечат в дальнейшем успешную реализацию профессиональных задач.

Психологическая готовность к профессиональной деятельности может быть представлена как целостное образование, включающее интерес к деятельности, потребность в достижении результата (мотивационные характеристики личности); понимание функциональных обязанностей, задач профессиональной деятельности, оценку их значимости для достижения цели (познавательные характеристики личности); чувство профессиональной и социальной ответственности, уверенность в успехе, самоконтроль, сосредоточенность на выполнении задачи (эмоционально-волевые характеристики). Психологическая готовность может изменяться в процессе профессионального становления. На ее состояние оказывают влияние условия, в которых осуществляется профессиональная деятельность, а также содержание задач, их трудность и новизна [3, с. 216].

Профессиональная успешность – это характеристика профессиональной деятельности, включающая внешнюю оценку результата, достигнутого в ходе профессиональной деятельности, и оценку удовлетворенности специалиста профессиональной деятельностью [2, с. 16].

Во многих работах, посвященных изучению профессиональной успешности, ее критерии подразделяют на внешние и внутренние [1]. Внешний кри-

терий представляет собой оценку деятельности сотрудника руководителем, коллегами, близкими людьми, внутренняя определяется субъективной оценкой, которая возникает при соотношении вознаграждения за труд с ожидаемой результативностью труда [4, с. 6–11].

С целью установления взаимосвязи между психологической готовностью и профессиональной успешностью Т. В. Гороховой в рамках выполнения курсовой работы под нашим руководством было организовано и проведено исследование качественного типа. Сбор эмпирических данных осуществлялся на базе ФКУ ИК-33 УФСИН России по Кировской области посредством анкетирования на тему «Выбор профессии», состоящего из двух блоков: «Изучение информированности о работе» и «Изучение мотивов, повлиявших на выбор профессии». Отбор в группы респондентов проводился с помощью экспертной оценки, которую выполняли непосредственные руководители, в результате чего в выборку вошли 30 испытуемых мужского пола в возрасте от 22 до 45 лет (сотрудники отделов охраны и безопасности). Понятие профессиональной успешности рассматривалось во взаимосвязи внешней оценки результата деятельности сотрудника с его личностными особенностями. На основе теоретического анализа научной литературы были выделены базовые профессионально важные качества (ПВК) личности сотрудника, наличие или отсутствие которых должны были оценить эксперты: коммуникативная компетентность, эмоциональная устойчивость, моральная нормативность, личностная креативность.

По итогам экспертной оценки были сформированы две группы испытуемых: более и менее профессионально успешные сотрудники (табл. 1).

Таблица 1

Результаты экспертной оценки у разных групп испытуемых

Наличие поощрений за 2020 г.		Наличие взысканий за 2020 г.		Наличие ПВК		Средняя оценка непосредственного руководителя (от 1 до 5)	
более проф. успешные	менее проф. успешные	более проф. успешные	менее проф. успешные	более проф. успешные	менее проф. успешные	более проф. успешные	менее проф. успешные
1	2	3	4	5	6	7	8
2	–	–	1	+	–	4	2
1	–	–	2	+	–	4	2
2	–	–	1	+	–	4	2
3	–	–	1	+	–	4	2
4	–	–	1	+	–	5	2
4	1	–	1	+	+	5	2
1	–	–	1	+	–	4	3
1	–	–	1	+	–	5	2
2	–	–	1	+	–	4	2
4	–	–	2	+	–	5	3
3	–	–	1	+	+	5	3
1	–	–	1	+	–	4	2

1	2	3	4	5	6	7	8
1	–	–	1	+	–	5	2
2	–	–	1	+	–	5	3
1	–	–	1	+	–	5	3

Результаты экспертной оценки наглядно показывают значимые различия в восприятии экспертами выраженности ПВК у сотрудников с разным уровнем профессиональной успешности. Также более профессионально успешные сотрудники в целом значительно выше оцениваются на фоне их менее успешных коллег.

Далее испытуемым была предложена анкета для выявления их психологической готовности в начале профессиональной деятельности. В данном случае информированность об особенностях службы выступает показателем сформированности психологической готовности (табл. 2).

Таблица 2

Уровень информированности о будущей профессиональной деятельности

Факторы (компоненты)	Группы испытуемых	Информирован			Не информирован	
		полностью	не полностью	в общих чертах	почти	полностью
Содержание труда (то, чем надо заниматься каждый день)	более проф. успешные	80 %	20 %	0	0	0
	менее проф. успешные	20 %	20 %	30 %	30 %	0
Машины, оборудование, материалы, используемые в процессе работы	более проф. успешные	90 %	0	10 %	0	0
	менее проф. успешные	0	25 %	50 %	20 %	5 %
Организация рабочего места	более проф. успешные	80 %	20 %	0	0	0
	менее проф. успешные	0	0	70 %	30 %	0
Условия труда	более проф. успешные	60 %	40 %	0	0	0
	менее проф. успешные	25 %	50 %	25 %	0	0
Размер заработной платы	более проф. успешные	100 %	0	0	0	0
	менее проф. успешные	10 %	20 %	20 %	30 %	20 %
Требования, которые предъявляет профессия к работнику	более проф. успешные	70 %	20 %	10 %	0	0
	менее проф. успешные	60 %	20 %	20 %	0	0

Исходя из данных, представленных в табл. 2, можно сделать вывод о том, что в целом более профессионально успешные сотрудники были хорошо информированы о своей будущей профессии на момент ее выбора. Боль-

шинство обладало четкими представлениями о содержании труда, хорошо осознавало условия труда и размер вознаграждения. Выбор своей будущей профессии представители данной группы сделали осознанно. Менее же успешные сотрудники были не в достаточном объеме информированы о своей будущей профессии на момент ее выбора. Только 30 % из них понимали, чем они будут заниматься. Также не все осознавали условия труда и размер вознаграждения. В наименьшей степени будущие сотрудники располагали сведениями об организации рабочего места и оборудовании. Выбор будущей профессии сотрудники с низкой профессиональной успешностью сделали не до конца осознанно. При помощи ϕ^* -углового преобразования Фишера были доказаны значимые различия в первоначальном уровне психологической готовности к будущей профессиональной деятельности, что позволяет сделать вывод о наличии связи между психологической готовностью к будущей деятельности и ее последующим успешным осуществлением.

Вторая часть анкеты позволила определить мотивы выбора профессии (табл. 3).

Таблица 3

Мотивы выбора профессии испытуемыми

Мотивы	Группы испытуемых	Очень повлияло	Пожалуй, повлияло	Трудно сказать	Пожалуй, не повлияло	Совершенно не повлияло
1	2	3	4	5	6	7
Советы родителей (родственников)	более проф. успешные	0	0	0	50 %	50 %
	менее проф. успешные	0	0	25 %	25 %	50 %
Советы учителей	более проф. успешные	0	30 %	0	50 %	20 %
	менее проф. успешные	0	10 %	20 %	50 %	20 %
Советы знакомых, друзей	более проф. успешные	0	30 %	20 %	10 %	40 %
	менее проф. успешные	0	50 %	50 %	0	0
Средства массовой информации (фильмы, радиопередачи, книги, статьи в журналах, газетах и т. д.)	более проф. успешные	0	0	20 %	20 %	60 %
	менее проф. успешные	0	50 %	20 %	30 %	0
Личное знакомство с данной профессией	более проф. успешные	0	0	20 %	40 %	40 %
	менее проф. успешные	0	0	50 %	0	50 %
Общественная значимость профессии	более проф. успешные	80 %	20 %	0	0	0
	менее проф. успешные	0	0	30 %	30 %	40 %

1	2	3	4	5	6	7
Чувство справедливости	более проф. успешные	90 %	10 %	0	0	0
	менее проф. успешные	0	30 %	20 %	30 %	20 %
Престижность профессии	более проф. успешные	30%	0	0	0	70 %
	менее проф. успешные	0	30 %	50 %	10 %	10 %
Желание защитить себя и своих близких	более проф. успешные	50 %	50 %	0	0	0
	менее проф. успешные	25%	50 %	25 %	0	0

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что в группе профессионально успешных сотрудников основным мотивом выбора профессии является ее общественная значимость. При этом важно отметить, что советы друзей, учителей, родителей практически не учитывались обеими группами сотрудников при профессиональном самоопределении. Все респонденты не считают работу в исправительных учреждениях престижной, поэтому мотив престижа отвергается. Такие мотивы, как чувство справедливости, желание защитить себя и своих близких, достаточно часто встречались в ответах обеих групп респондентов, представляя собой факторы, оказавшие решающее влияние.

Различия, выявленные с помощью χ^2 -углового преобразования Фишера, позволили сделать вывод о том, что мотивы выбора профессии значительно различаются в группах испытуемых. Так, основным мотивом выбора профессии у сотрудников с меньшей профессиональной успешностью является желание защитить себя, также ими отмечается влияние средств массовой информации и знакомых на сделанный профессиональный выбор. Таким образом, выбор профессии определялся в большей степени внешними факторами, а не внутренними. Группе более профессионально успешных сотрудников присуще как раз внутренние мотивы – чувство справедливости, общественная значимость профессии и желание защитить себя и близких. Более взвешанный выбор, основанный на хорошо сформированном представлении о будущей профессиональной деятельности, приводит к большей профессиональной успешности.

Обобщая все сказанное, можно резюмировать, что психологическая готовность к профессиональной деятельности лежит в основе ее успешности. Если сотрудник имел полное представление о своей будущей профессии, в основе профессионального выбора лежат внутренние мотивы, то показатели его деятельности будут лучше и качественнее, он будет эффективнее выполнять поставленные задачи. Для того чтобы у кандидата на службу формировалось полное представление о будущей профессиональной деятельности, необходимо на собеседованиях при устройстве на службу давать нужную информацию, раскрывая не только привлекательные стороны, но и возмож-

ные трудности в работе. При организации первоначальной подготовки вновь принятых сотрудников приоритетным направлением становится разработка и практическая реализация программы по развитию психологической готовности к служебной деятельности сотрудников исправительных учреждений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болдырева, Т. А. Семантическое пространство профессиональной успешности сотрудников уголовно-исполнительной системы / Т. А. Болдырева // Прикладная юридическая психология. – 2019. – № 2 (47). – С. 105–106. – URL: <https://vestnik.astu.org/temp/fe822277d01e1f298f396675452743b5.pdf> (дата обращения: 12.01.2022).
2. Ларина, А. А. Профессиональная успешность как одно из направлений профессиональной карьеры / А. А. Ларина, А. В. Озерова // Синергия. – 2018. – № 3. – С. 14–21. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-uspeshnost-kak-odno-iz-napravleniy-professionalnoy-kariery> (дата обращения: 17.01.2022).
3. Попов, Л. М. Психологическая готовность к профессиональной деятельности и методы ее формирования / Л. М. Попов, И. М. Пучкова, П. Н. Устин // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – Том 157, № 4. – С. 215–224. – URL: http://kpfu.ru/portal/docs/F_61745964/157_4_gum_23.pdf (дата обращения: 17.01.2022).
4. Психологические условия профессионального развития личности сотрудников уголовно-исполнительной системы : монография / [М. С. Коданева и др.] ; под общей редакцией А. В. Сперанской. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2020. – 136 с. – ISBN 978–5–94991–550–9.

REFERENCES

1. Boldyreva T.A. Semantic space of professional success of employees of the penal enforcement system. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2019, no. 2 (47), pp. 105–106. Available at: <https://vestnik.astu.org/temp/fe822277d01e1f298f396675452743b5.pdf> (In Russ.). (Accessed January 12, 2022).
2. Larina A.A., Ozerova A.V. Professional success as one of the directions of a professional career. *Sinergiya = Synergy*, 2018, no. 3, pp. 14–21. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-uspeshnost-kak-odno-iz-napravleniy-professionalnoy-kariery> (In Russ.). (Accessed January 17, 2022).
3. Popov L.M., Puchkova I.M., Ustin P.N. Psychological readiness for professional activity and methods of its formation. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities*, 2015, vol. 157, no. 4, pp. 215–224. Available at: http://kpfu.ru/portal/docs/F_61745964/157_4_gum_23.pdf (In Russ.). (Accessed January 17, 2022).
4. Kodaneva M.S., et al. *Psikhologicheskie usloviya professional'nogo razvitiya lichnosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy: monografiya* [Psychological conditions of professional development of the personality of employees of the penal enforcement system: monograph]. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2020. 136 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВНА СПЕРАНСКАЯ – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии
ALEKSANDRA V. SPERANSKAYA – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, associate professor of the Department of

психологического факультета Вологодского
института права и экономики ФСИН России,
Вологда, Россия, bersim@mail.ru

General Psychology of the Faculty of Psychology
of the Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Vologda, Russia, bersim@mail.ru

Статья поступила 27.01.2022

УДК 94(47).084:343.81

Соловецкий узник Петр Калнышевский: к историографии вопроса

НАДЕЖДА АЛЕКСЕЕВНА БЕЛОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, nade-belova@yandex.ru

А н н о т а ц и я . В статье предпринята попытка историографического обзора научной литературы, посвященной пребыванию в качестве заключенного в Соловецком монастыре с 1776 по 1801 г. последнего кошевого атамана Запорожской Сечи П. И. Калнышевского. Автором проанализированы наиболее заметные труды российских и украинских исследователей второй половины XIX – начала XXI вв., посвященные этому легендарному узнику. Показано, что почти полуторазековое изучение пребывания Петра Калнышевского на Соловках принесло много открытий и породило разные точки зрения по поводу отдельных аспектов данной темы. Но часть вопросов остается еще до конца не выясненной и ждет своих исследователей.

К л ю ч е в ы е с л о в а : историография пенитенциарной системы России; монастырская пенитенциарная практика; Соловецкий монастырь; узники монастырских тюрем; Петр Калнышевский.

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Белова Н. А. Соловецкий узник Петр Калнышевский: к историографии вопроса // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2022. № 1 (4). С. 31–43.

Solovetsky Prisoner Petr Kalnyshevskii: to the Historiography of the Issue

NADEZHDA A. BELOVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, nade-belova@yandex.ru

A b s t r a c t . The article tries to provide a historiographical review of the scientific literature devoted to the stay of the last koshevoi ataman of the Zaporozhye Sich Petr I. Kalnyshevskii as a prisoner in the Solovetsky Monastery from 1776 to 1801. The author analyzes the most notable works of Russian and Ukrainian researchers of the second half of the 19th–beginning of the 21st century, dedicated to this legendary prisoner. It is shown that almost a century and a half of studying the stay of Petr Kalnyshevskii in the Solovetsky Monastery brought many discoveries and gave rise to different points of view about certain aspects of this topic. However, many questions still remain unclear.

Key words: historiography of the Russian penitentiary system; monastic penitentiary practice; Solovetsky Monastery; prisoners of monastic prisons; Petr Kalnyshevskii.

5.6.5. Historiography, source studies, methods of historical research.

For citation: Belova N.A. Solovetsky Prisoner Petr Kalnyshesvkii: to the historiography of the issue. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2022, no. 1 (4), pp. 31–43.

Соловецкая обитель с ее островным положением и суровым климатом несколько веков служила местом изоляции лиц, признанных опасными государственными, религиозными и уголовными преступниками. Как писал М. А. Колчин, «ссылались туда бунтовщик, государственный преступник и пьяный монах, религиозный сектант и разгулявшийся не в меру отеческий сынок, знатный вельможа и не помнящий родства бродяга» [9, с. 1]. В период с XVI по XIX в. в Соловецком монастыре в качестве ссыльных и заключенных побывали несколько сотен человек. В числе узников монастырской тюрьмы с 1776 по 1801 г. значился и последний кошевой атаман Запорожской Сечи П. И. Калнышевский (поскольку в написании фамилии существуют разночтения, мы станем придерживаться принятого в современных публикациях написания через «ы», но в цитатах и названиях цитируемых источников будем сохранять изначальную (дореволюционную) орфографию через «и»; также в литературе встречаются и такие варианты написания этой фамилии, как Колнишевский, Кальнишевский и Кальнышеский), информация о пребывании которого на Соловках долгое время не предавалась огласке.

Историк Новой Сечи А. А. Скальковский в 1846 г. констатировал, что после ее падения в 1775 г. кошевой атаман Петр Калнышевский вместе с писарем Иваном Глобой и войсковым судьей Павлом Головатым были отправлены в Москву и «дальнейшая участь их до сих пор неизвестна». При этом, ссылаясь на намек, содержащийся в одной из украинских народных песен, он высказал предположение, что «Калнишевский был отправлен на жительство, где-то на берега Дона» [13, с. 2011]. Согласно преданию, пересказанному Н. А. Гатцуком, он «после уничтожения коша, удалился в Турцию, вместе с прочими казаками» [7, с. 412].

Отыскать след П. И. Калнышевского на Соловках удалось российско-украинскому историку и этнографу, участнику народнического движения, П. С. Ефименко, который, отбывая ссылку в Архангельской губернии, начал собирать местный фольклор. Летом 1862 г. он жил в с. Ворзогоры, которое находилось от Соловецкого монастыря «на расстоянии только 180-ти верст», и расспрашивал об обители местных жителей. От 80-летнего крестьянина Лукина услышал, что там был заключен «какой-то атаман казаков», который «сидит близко 40 годов в совершенном заточении» и «выпускали его только три раза в год: на Пасху, Рождество и Преображение на трапезу – монастырского хлеба кушать» [7, с. 412]. В 1863 г. в архиве Архангельского губернского правления Ефименко обнаружил Дело по сообщению государственной военной коллегии-конторы об отсылке для содержания в Соловецкий монастырь кошевого Петра Калнишевского, июля 11 дня 1776 г. [7, с. 414].

Собрав «некоторые сведения, еще никому не известные» о жизни «самого замечательного лица в истории Сечи» [7, с. 406], П. С. Ефименко опубликовал

в 1875 г. статью (к столетию со времени падения «славной Сечи Запорожской») в журнале «Русская старина», возвратив тем самым из небытия последнего кошевого атамана запорожцев.

При изложении биографических данных П. И. Калнышевского «во время существования Запорожья» исследователь отмечал, что тот был записан в куренных списках под простонародным именем Петра Калныжа и отличался особой религиозностью [7, с. 408]. Автор достаточно подробно описал отправку последнего кошевого атамана «на вечное содержание» в Соловецкий монастырь. По его данным, «некоторый арестант» был вывезен из Москвы в Архангельск 25 июня 1776 г. в сопровождении офицера, унтер-офицера и пяти рядовых на девяти подводках. По предположению Ефименко, шесть из них были заняты имуществом Калнышевского [7, с. 415]. 11 июля 1776 г. узника доставили в Архангельск, а оттуда на нанятом у местного купца судне переехали на Соловки. 28 июля он «был сдан архимандриту Досифею и предан заточению», поскольку «Святейший синод предписал удалять Калнышевского от всякого с посторонними людьми сообщения и содержать и за неослабным караулом обретающихся в оном монастыре солдат» [7, с. 415].

Точного места содержания бывшего кошевого атамана П. С. Ефименко не назвал, лишь сообщил, что в документе 1758 г. говорится о том, что для колодников в 1742 г. по указу Синода были заложены две тюрьмы: «первая – Корожня, в бойнице, другая, Головленкова, у Архангельских ворот, в стене» [7, с. 412]. На основании сведений, собранных по его просьбе знакомыми, побывавшими на Соловках, он предположил, что Калнышевского «держали сначала в течение многих лет в помещении, ничем не отличающемся от чулана, маленьком, сыром, холодном и полутемном», и этот чулан «находился в одной из башен монастыря», а в последние перед освобождением годы узнику отвели «несколько лучшее помещение, рядом с жилым покоем» [7, с. 419–420].

Исследователь также опубликовал документы, собранные по его просьбе вышеупомянутыми лицами: письмо новороссийского генерал-губернатора Г. А. Потемкина (это письмо было повторно напечатано в 1887 г. в журнале «Киевская старина» под названием «Ходатайство Потемкина о замене запорожской старшине смертной казни заточением в монастырь»). Публикаторы сообщали, что это «ходатайственное» письмо было ими обнаружено в копии конца XIX в., в сборнике всякого рода документов, начатом в 1730-е гг., который принадлежал священнику с. Троицкого Екатеринославской губернии отцу Павлу Чеховичу и передан редакции С. Г. Ярославским) и указ Екатерины II о ссылке Калнышевского, надписи с пожертвованного им обители в 1801 г. Евангелия и надгробия, сооруженного в 1856 г. архимандритом Александром [7, с. 417]. Благодаря этим находкам Ефименко удалось установить, что кошевой умер 23 октября 1803 г., в возрасте 102 лет, проведя на Соловках последние 27 лет, из которых 25 – в заключении и два года – на свободе. В итоге автор пришел к выводу, что многолетнее заточение Калнышевский перенес «без явного поражения нравственных сил», хотя его заключение было «действительно крайне строгое»: место содержания узника не было известно даже родственникам [7, с. 419–420].

Спустя год в том же журнале И. П. Шульгиным был напечатан извлеченный из дела № 11 Тайной экспедиции за 1787 г. фрагмент обнаруженной им ведомости о содержащихся в Соловецком монастыре 13 преступниках, где приводились сведения о колодниках: основание для помещения в монастырь, вина (у некоторых из них), время поступления и условия содержания. Бывший кошевой атаман значился в ней под номером 7.

Документ был приложен к прошению олонецкого и архангельского генерал-губернатора Т. И. Тутолмина от 25 октября 1787 г., адресованному генерал-прокурору А. А. Вяземскому с целью выяснения возможности распространения на соловецких узников «милостивого» манифеста от 27 июня того же года. В ведомости было указано основание для отправки Калнышевского на Соловки: указ Синода во исполнение указа Екатерины II на доклад Потемкина. Также ею подтверждались сведения, изложенные ранее П. С. Ефименко, о времени доставления узника в монастырь и конкретизировались условия его содержания «безвыпускно» из монастыря, удаления «не только от переписок, но и от всякого с посторонними людьми обращения, за неослабным караулом... солдат» [1, с. 217]. Эту информацию дополняло сообщение Г. К. Репинского о том, что основанием для освобождения узника стал указ Александра I от 15 марта 1801 г. «О прощении людей, содержащихся по делам, производившимся Тайной экспедицией» [1, с. 217].

Архимандрит Соловецкого монастыря Мелетий, составивший его историческое описание, изданное в 1881 г., сообщал, что в соборном Спасо-Преображенском храме «на горнем месте» хранился «запрестольный сребропозлащенный» крест, который «сделан вкладом Петром Ивановичем Кошевым, 1794 года, весу 13 фунтов и 48 золотников» [10, с. 39]. В числе «достопамятных предметов» монастырской ризницы Мелетий упомянул Евангелие, «устроенное» в обитель «радением и коштом бывшего запорожской сечи кошевого Петра Ивановича Кольнишевского», надпись на котором ранее опубликовал П. С. Ефименко. Помимо уже известных данных о Евангелии (весе 34 фунта и 25 золотников, «всей сумме» 2345 руб.), автор сообщил, что оно было «обложено серебром золоченным; на верхней доске девять образов финифтянных, украшенных стразами» [10, с. 127].

Д. И. Яворницкий (в дореволюционный период писалось как Эварницкий), еще один исследователь истории запорожского казачества, крайне заинтересованный судьбой последнего кошевого атамана, для сбора о нем сведений весной 1887 г. предпринял поездку в Соловецкий монастырь. В том же году сначала в журнале «Дон», затем отдельной брошюрой была напечатана его статья, написанная на основе документов, обнаруженных в архиве обители, которая уточняла и дополняла сведения П. С. Ефименко. Историк, помимо копии указа Екатерины II о ссылке Калнышевского, уже опубликованного Ефименко, удалось найти «несколько бумаг, проливающих свет на самое положение кошевого в ссылке» [17, с. 6]. Рассмотренные им документы позволили сделать вывод о том, что «хотя положение Калнышевского было и не легко, но с тем вместе и не так ужасно» [17, с. 6].

Яворницкий по сохранившимся монастырским описям установил, что узник с ноября 1788 г. содержался не в остроге и не в яме Корожной башни, где помещались самые тяжкие преступники, а в келье дома, где жили монахи (занимал сначала келью № 15, а потом № 14) [17, с. 7]. Поскольку описи с 1776 до 1788 г. историку найти не удалось, то и выявить места содержания Калнышевского за этот период не получилось. Основываясь на косвенных данных, исследователь предположил, что это были камеры Архангельской и Прядильной башен.

Опираясь на документы монастырского архива, Д. И. Яворницкий установил, что кошевой содержался «много иначе, чем другие арестанты»: на его «вечное содержание» выделялись из казны деньги (с 1776 до 1781 г. по рублю на день) [17, с. 10]. Караульные при Калнышевском все были великороссы; из тюрьмы его выводили «на время великого, а иногда и успенского поста, чтобы говеть», каждый раз во время говенья он исповедовался и причащался. Подтверждающие это документы были обнаружены Яворницким за период с 1777 по 1792 г. [17, с. 11].

По поводу освобождения Петра Калнышевского из заточения в 1801 г. историк не только указал основание, ранее сообщенное Г. К. Репинским, но воспроизвел слухи, циркулировавшие среди монахов обители по этому поводу. Согласно первому из них Александр I при посещении монастыря, увидев яму, в которой содержался Калнышевский, «пришел от нее в ужас» и, «желая облагодетельствовать чем-нибудь невинного страдальца», спросил узника, «какой ему надо награды за все понесенные им бедствия». Тот ответил, что ему ничего не надо, кроме одного: «вели построить острог для таких же страдальцев, как и я, чтобы они не томились в земляных ямах» [17, с. 13]. И государь приказал построить острог. Для опровержения этого слуха Яворницкий привел факт, что острог на Соловках был построен в 1798 г. (то есть за три года до восшествия Александра I на престол). Второй слух связан с тем, что на момент освобождения Калнышевский уже лишился зрения. Этот факт исследователь не опроверг, но выдвинул несколько версий причины его слепоты: темнота помещений, возраст либо то и другое вместе. В итоге историк констатировал, что бывший узник, обретя свободу, пожелал остаться в монастыре, «сделался послушником и, прожив два года на свободе, скончался» [17, с. 13]. Автор более подробно, по сравнению с вышеупомянутыми П. С. Ефименко и архимандритом Мелетием, описал вещественные памятники, сохранившиеся после Калнышевского в Соловецком монастыре (запрестольный крест, Евангелие и надгробную плиту). В завершении статьи Д. И. Яворницкий выразил сомнение в 112-летнем возрасте Калнышевского на момент смерти. При этом автор привел ряд весьма убедительных аргументов. Во-первых, в исповедных росписях число его лет нигде не было прописано, в отличие от прочих арестантов, и высказывалось предположение, что тот и сам не знал своего возраста, поскольку монахи, которые вели росписи, обязывались выставлять лета преступников. Во-вторых, эпитафия на могильной плите сочинена спустя 53 года после смерти кошевого, а дата на ней показана, вероятно, «по преданию».

В-третьих, трудно допустить, что во время существования Сечи 85-летний старец управлял казаками [17, с. 15].

Уделил внимание П. И. Калнышевскому и М. А. Колчин, политический ссыльный, служивший фельдшером на Соловках и изучавший монастырскую пенитенциарную историю. В своем очерке «Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX веках», который впервые был напечатан «Русской старине» за 1887–1888 гг. (отдельной книгой вышел уже после смерти автора в 1908 г.), он попытался описать заключение последнего кошевого Запорожской Сечи в «соловецких казематах». Ввиду ограниченности документальных данных (в архиве монастыря М. А. Колчин обращался к тем же материалам, что и его предшественники, изучавшие судьбу именитого колодника, и многие из этих документов были ими уже опубликованы, о чем, по всей вероятности, историк-любитель не догадывался) исследователь на основе личных впечатлений от осмотра сохранившихся до 1870-х гг. мест заключения арестантов и слухов сообщал, что «в рассматриваемом нами каземате... Кольнишевский, просидел 16 лет, будучи более ста лет от роду» [9, с. 9–10]. По мнению Колчина, этот каземат находился в башне «у Архангельских ворот, на восточной стороне крепости», а башня эта «в древнее время носила название Головленковой» [9, с. 11]. Вероятно, на выдвижение автором такой версии о месторасположении тюрьмы оказали влияние предположения, высказанные ранее П. С. Ефименко по поводу возможных мест содержания Калнышевского на территории обители. Исследователю был известен его труд о последнем кошевом Запорожской Сечи, авторство которого Михаил Андреевич ошибочно приписал супруге Петра Саввича, Александре Яковлевне, тоже историку и этнографу [9, с. 92].

По поводу «помилования» Калнышевского М. А. Колчин привел ту же легенду, что и Д. И. Яворницкий, но в несколько иной интерпретации: поскольку кошевой «оказался невинным», царь, «освободив его, захотел чем-либо вознаградить за перенесенные страдания и приказал спросить Кольнишевского, чего он хочет себе в награду» [9, с. 10]. Тот в силу преклонного возраста отказался от мирских почестей и богатства со словами: «одна у меня забота: приготовить себя к будущей жизни, а нигде я этого не сделаю так хорошо, как в сей святой обители». Потому бывший узник обратился с двумя просьбами к царю: «дозволить мне дожить свой век в Соловках» и «пусть он прикажет выстроить для преступников настоящую тюрьму, чтобы они не маялись, как я, в душных казематах крепости» [9, с. 11].

Вслед за Яворницким Колчин воспроизвел информацию о выдаче «секретному колоднику» Калнышевскому денежного пособия по рублю в день для покупки караульными ему пищи [9, с. 30].

Заслугой Колчина можно считать публикацию в тексте очерка ведомости о 16 колодниках, содержащихся в монастырской тюрьме в период с июня по октябрь 1786 г., в которой Калнышевский записан под номером 8 [9, с. 92]. Правда, информация эта идентична сведениям из фрагмента ведомости 1787 г., ранее опубликованного И. П. Шульгиным.

О судьбе соловецкого узника Петра Калнышевского упомянул в своей книге «Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством» (1905) российский революционер-народник, публицист и историк А. С. Пругавин. Со ссылкой на М. Н. Колчина автор привел легенду о его «помиловании» [12, с. 87].

В советский период, когда историческое знание в целом несло на себе печать марксистско-ленинской идеологии, одним из первых об этом известном узнике вспомнил исследователь соловецкой тюрьмы А. П. Иванов. Однако он не выявил ничего нового, а лишь в сокращении повторил информацию о Калнышевском из неоднократно упомянутой статьи П. С. Ефименко и констатировал, что «в Головленковой тюрьме узник провел 16 лет» [8, с. 39]. При этом исследователь допустил две неточности: ошибочно указал в качестве автора работы М. А. Колчина и заявил, что она была напечатана в № 2 «Русской старины» за 1866 г. Ссылаясь на данную публикацию, А. П. Иванов резюмировал, что «Кальнишевский сидел в самом мрачном каземате монастырской крепостной тюрьмы и умер 112 л. в 1803 году. Он оставил Соловкам на память о себе евангелие в богатой оправе» [8, с. 39].

Отдельный сюжет легендарному узнику Соловков посвятил и известный советский правовед, автор обобщающего труда по истории царской тюрьмы М. Н. Гернет. Он считал, что последний кошевой Сечи стал «жертвой национальной политики Екатерины... заточенный по предложению Потемкина», и отмечал, что «на Кальнишевском очень ярко сказалось все вероломство екатерининских политиков» [5, с. 274]. Новые данные о Калнышевском у автора отсутствовали, а в приведенной о нем информации были воспроизведены материалы из ранее упоминавшейся работы М. Н. Колчина. Доверяя, по всей вероятности, изложенным этим автором фактам и предположениям, М. Н. Гернет в традициях своей эпохи констатировал, что «прямые сведения о том, что кошевой Кальнишевский содержался в Головленковской башне, показывают стремление правительства упрятывать подальше наиболее опасных своих врагов и держать это в глубокой тайне» [5, с. 276].

Детальный анализ обстоятельств ссылки Калнышевского на Соловки, условий его содержания в монастыре и причин его освобождения проведен в трудах архангельского историка Г. Г. Фруменкова [14; 15]. Привлечение к исследованию новых документов из архивов Москвы, Ленинграда и Архангельска позволило, по выражению самого автора, «восполнить пробелы статьи П. С. Ефименко» [15]. Г. Г. Фруменков уточнил обстоятельства отправки «бывшего атамана низового запорожского войска» из Москвы до Архангельска и Соловков. Опираясь на документы, он доказал, что Калнышевский прибыл в Архангельск без вещей (войсковые ценности и все личное имущество кошевого были конфискованы), тем самым опроверг мнение Ефименко о том, что бывший кошевой «привез с собой шесть возов добра» [15]. Исследователь установил, что келья, в которой содержался узник, была отремонтирована в 1779 г. по его многократным прошениям за собственные средства [15]. В качестве доказательства «исключительной строгости» тюремного режима Фруменков привел следующее документальное подтверждение: «В летнее время четыре человека посменно охраняли Кальнишевского... при всех прочих аре-

стантах... находилось поочередно по двое солдат... Зимой каземат охраняли трое солдат... на всех других арестантов приходилось по одному караульному» [15].

Автор также выдвинул версию причины освобождения Калнышевского из заключения именно в 1801 г. По мнению Г. Г. Фруменкова, это было обусловлено упразднением по указу от 2 апреля того же года Тайной экспедиции и освобождением многих узников, содержащихся по ее ведомству в разных местах заключения, и должно было «засвидетельствовать либеральный курс правительства Александра I» [15]. Предварительно из губерний были запрошены списки колодников, подлежащих освобождению. В документе, представленном архангельским губернатором, были указаны только двое заключенных – А. Еленский и П. Калнышевский. Правительство сочло возможным выпустить обоих. Последний у них, как полагал исследователь, «не внушал более никаких опасений, и царь не хотел “упустить случая” продемонстрировать свое “человеколюбие”» [15].

Вместе с тем Г. Г. Фруменков ввиду «несомненного и выдающегося интереса» полностью привел текст письма Г. А. Потемкина о ссылке Калнышевского, неоднократно публиковавшегося в дореволюционный период. Также автор воспроизвел информацию Колчина и дополнил ее без подкрепления документами о местах и сроках содержания узника в обители: «В каменном мешке Головленковой тюрьмы... Кальнишевский провел 16 лет, после чего ему ответили более “комфортабельную” одиночную камеру рядом с поварней, где он просидел взаперти еще 9 лет» [15]. Перефразировав слова М. Н. Гернета об этом узнике, исследователь отметил, что он «явился жертвой национально-колониальной политики царизма... оказался без вины виноватым» [15].

Следует отметить, что Г. Г. Фруменков как советский ученый не мог описать историю пребывания Калнышевского на Соловках без критики личностей и действий представителей светской и духовной власти, монастырской пенитенциарной практики и использования соответствующей лексики («лавры тюремщика Кальнишевского», «мрачные казематы», «заточение было ужасным» и др.).

В целом же исследование Г. Г. Фруменкова о пребывании легендарного узника на Соловках до настоящего времени не утратило своей актуальности благодаря введению в научный оборот целого ряда архивных материалов и их анализу.

В постсоветский период внимание к личности П. И. Калнышевского значительно возросло и приобрело политическую окраску в связи с началом становления украинской государственности. Трагизм судьбы последнего кошевого Запорожской Сечи, ставшего «олицетворением свободолюбивого духа украинского народа» и одновременно «образцом православного воинства», сыграл важную роль в его канонизации. Поместным собором Украинской православной церкви (далее – УПЦ) Киевского патриарха он был канонизирован в 2008 г. как Петр Многострадальный и причислен к лику святых для общего почитания. Решение о канонизации П. И. Калнышевского (прославлении и почитании его в пределах Запорожской епархии как преподобного Пе-

тра Калнышевского) было принято УПЦ Московского патриархата в декабре 2014 г., а сам чин канонизации прошел в ноябре 2015 г.

Период соловецкого заключения Петра Калнышевского получил отражение как в работах украинских и российских исследователей, так и в многочисленных материалах (в основном популяризационного характера, а также связанных с канонизацией), размещенных в свободном доступе на различных ресурсах Интернета.

Правда, большинство этих работ новизной содержания не отличались, поскольку их авторы в разных вариациях воспроизводили информацию из трудов своих предшественников, разрабатывавших данную проблематику. И только публикации отдельных исследователей представляют ценность в научном отношении, поскольку для них характерно вовлечение в научный оборот новых источников. К числу таковых следует отнести работы В. В. Грибовского, В. А. Булова, А. А. Оксенюка и В. В. Хутарева-Гарнишевского.

Так, историку В. В. Грибовскому, современному украинскому биографу Калнышевского, работавшему в российских и украинских архивах, благодаря исследованию документов Государственного архива Архангельской области удалось дополнить сведения П. С. Ефименко и Г. Г. Фруменкова о доставке Калнышевского на Соловки. В частности, им уточнены населенные пункты (и даты проезда через них) по пути следования подвод с арестантом и конвоирами от Москвы до Архангельска, установлены персоналии сержанта и солдат, откомандированных из Архангелогородской губернской роты для охраны узника в монастыре, и др. Автор вслед за Д. И. Яворницким выразил сомнение в 110-летнем возрасте Калнышевского на момент освобождения и в качестве аргумента в пользу его условности сослался на впечатления графа П. А. Румянцева от встречи в марте 1765 г. с кошевым атаманом, который не показался тому ветхим старцем. Также автор констатировал, что в перипетиях XX в. были утрачены подарки, сделанные монастырю Калнышевским, а плита с его могилы была сдвинута и неоднократно перемещалась по территории Соловецкого кремля. Примерным ориентиром для установления места погребения Петра Калнышевского, по мнению Грибовского, может служить лишь надгробие Авраамия Палицына, лежащее на своем первоначальном месте [6].

Российский историк и археолог В. А. Булов в статье об одном из соловецких узников на основе архивных документов и материалов археологических раскопок установил, что «особо тяжкая» Головленкова тюрьма Соловецкого монастыря была упразднена в 1743 г. [4, с. 16], и тем самым опроверг представления целого ряда историков, полагавших, что там содержался Калнышевский.

В публикации, посвященной биографии последнего атамана Запорожской Сечи, автор уделил внимание современному местонахождению «одной из заметных достопримечательностей Соловков» – надгробной плиты с могилы Калнышевского. Как сообщил историк, эта плита, перемещенная в советский период вместе с другими надгробиями к западной паперти Спасо-Преображенского собора, в 2002 г. была перенесена под его северную паперть

на музейную выставку «Соловецкий некрополь», а летом 2004 г. рядом с ней был установлен привезенный из Запорожья бюст Петра Калнышевского [3, с. 80–81]. Кроме того, основываясь на материалах прессы, исследователь подробно осветил мероприятия, проведенные с начала 1990-х гг. на территории Украины, по увековечиванию памяти атамана, в том числе и канонизацию.

Наибольший интерес представляет статья этого же автора, в которой он с учетом новых исторических данных подвел итог углубленного анализа и осмысления археологического материала, зафиксированного в ходе раскопок в 2015 г. на месте могилы Калнышевского. Раскопки производились по инициативе Запорожской епархии и были связаны с канонизацией и решением вопроса об обретении мощей «святого казака» [2, с. 95–96]. Наличие кирпичного надгробия, по мнению В. А. Булова, «является свидетельством особого статуса усопшего, особого отношения к нему в Соловецком монастыре» [2, с. 99]. Далее исследователь отмечает, что изучение фамилии Калнышевского показало, что она «прямо указывает на прибалтийские корни ее носителя» [2, с. 103]. Данный вывод получил «неожиданное» подтверждение в заключении известного судмедэксперта, который, исследовав останки, обнаруженные в могиле, установил, что они относятся по телосложению к балтийскому типу [2, с. 103]. Завершая статью, автор резюмирует, что «данные истории, археологии и антропологии дают... основание считать, что раскопанное погребение... принадлежит последнему кошевому атаману Запорожской Сечи Петру Ивановичу Калнышевскому» [2, с. 104].

Российские историки А. А. Оксенюк и В. В. Хутарев-Гарнишевский на основе изучения хозяйственной документации Соловецкого архива из собрания Российского государственного архива древних актов выяснили, что Калнышевский лично, а не через караульных получал в монастыре выдаваемые ему на содержание деньги и при этом вместо подписи прикладывал личную гербовую печать. Данные подробности, как полагают исследователи, свидетельствуют о том, что он находился в монастыре на особом положении и имел больше свободы, чем другие заключенные. Наличие у Калнышевского личной печати, по мысли историков, «позволяет отнести его к определенному дворянскому роду и полностью изменяет стратегию изучения его биографии, открывает возможность исследования его жизни и родословной с новых, более уверенных позиций» [11, с. 106–107].

Благодаря этой находке, как констатируют А. А. Оксенюк и В. В. Хутарев-Гарнишевский, удалось установить, что обнаруженный герб Калнышевского полностью идентичен фамильному гербу польских дворян Калусовских. Данное обстоятельство, а также регион их проживания и созвучность фамилии, по мысли историков, «с высокой долей вероятности позволяют утверждать, что последний атаман Запорожской Сечи происходил из старинного шляхетского дворянского рода Калусовских» [11, с. 107]. Это заключение, как считают исследователи, «открывает дорогу» для создания его «исторически достоверной биографии» [11, с. 107].

Подытоживая вышеизложенное, можно констатировать, что почти полутора вековое изучение пребывания Петра Калнышевского на Соловках при-

несло много открытий и породило разные точки зрения на отдельные аспекты данной темы. Тем не менее ввиду скудности источниковой базы многие вопросы остаются еще до конца не выясненными, наиболее важные из них связаны с установлением мест содержания узника на территории монастыря, его возраста, а также окончательным подтверждением подлинности останков последнего кошевого атамана Запорожской Сечи. Для того, чтобы заполнить эти пробелы, историкам предстоит продолжить научные изыскания, в том числе и междисциплинарного характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атаман Калнишевский. 1787–1801 гг. Из дела Тайной экспедиции 1787 г., дело № 11, извлечено И. П. Шульгиным ; сообщил Г. К. Репинский // Русская старина. – 1876. – Том XV, выпуск 1. – С. 217–218.
2. Буров, В. А. Атрибуция погребения под надгробием 1856 г. П. И. Калнышевскому († 1803) на территории Соловецкого монастыря / В. А. Буров // Соловецкое море. – 2021. – № 20. – С. 95–104.
3. Буров, В. А. Две жизни последнего атамана Запорожской Сечи Петра Калнышевского – прошлая и настоящая / В. А. Буров // Соловецкое море. – 2015. – № 15. – С. 80–86.
4. Буров, В. А. Первый узник «первотяжкой» тюрьмы Соловецкой крепости / В. А. Буров // Вестник Томского государственного университета. История. – 2018. – № 56. – С. 12–22.
5. Гернет, М. Н. История царской тюрьмы. В 5 томах. Том 1. 1762–1825 / М. Н. Гернет. – Москва : Госюриздат, 1960. – 384 с.
6. Грибовский, В. В. Соловецкое заключение Петра Калнышевского в микроисторической прорисовке / В. В. Грибовский // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. 6. Посвящается 170-летию со дня рождения Василя Мовы (Лиманского) / составители А. М. Авраменко, В. К. Чумаченко. – Краснодар ; Киев : ЭДВИ, 2012. – С. 216–230. – URL: <http://www.slavakubani.ru/kkv/land-management/law/enforcement-of-sanctions/solovetskoe-zaklyuchenie-petra-kalnyshevskogo-v-mikroistoricheskoy-prorisovke/> (дата обращения: 15.02.2022).
7. Ефименко, П. С. Калнишевский, последний кошевой Запорожской сечи (1691–1803) / П. С. Ефименко // Русская старина. – 1875. – Том XIV, выпуск 11. – С. 405–420.
8. Иванов, А. П. Соловецкая монастырская тюрьма: краткий историко-революционный очерк / А. П. Иванов. – Соловки : Бюро печати УСЛОН, 1927. – 47 с.
9. Колчин, М. А. Ссылъные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв.: исторический очерк / М. А. Колчин. – Москва : Посредник, 1908. – 176 с.
10. Мелетий (Шергин М. А.) Историческое описание первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря / М. А. Шергин. – Москва : Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1881. – 312 с.
11. Оксенюк, А. А. Новые сведения о биографии П. И. Калнышевского по материалам архива Соловецкого монастыря / А. А. Оксенюк, В. В. Хутарев-Гарнишевский // Соловецкое море. – 2021. – № 20. – С. 105–107.
12. Пругавин, А. С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектанством / А. С. Пругавин. – Москва : Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1905. – 132 с.
13. Скальковский, А. А. История Новой Сечи, или последнего Коша Запорожского. В 3 частях. Часть 3 / составлена из подлинных документов Запорожского сечевого архива А. Скальковским. – 2-е изд., испр. и значит. умноженное. – Одесса : Гор. тип., 1846. – 296 с.
14. Фруменков, Г. Г. Соловецкий монастырь в XVI–XIX веках как секретная государственная тюрьма и пограничная военная крепость Русского государства : авторе-

ферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Фруменков Георгий Георгиевич. – Архангельск, 1966. – 32 с.

15. Фруменков, Г. Г. Узники Соловецкого монастыря. (Политическая ссылка в Соловецкий монастырь в XVIII–XIX веках) / Г. Г. Фруменков. – Архангельск : Сев.-зап. книж. изд-во, 1965. – 118 с. – URL: http://lib.ru/HISTORY/FRUMENKOW/uzniki_monastyrya.txt (дата обращения: 15.02.2022).

16. Ходатайство Потемкина о замене запорожской старшине смертной казни заточением в монастырь // Киевская старина. – 1887. – Том XIX. Сентябрь. – С. 192–193.

17. Эварницкий, Д. И. Последний кошевой атаман Петр Иванович Калнишевский / Д. И. Эварницкий. – Новочеркасск : Тип. А. А. Карасева, 1887. – 15 с.

REFERENCES

1. Ataman Kalnishevskii. 1787–1801. From the case of the Secret Expedition of 1787, case No. 11, extracted by I.P. Shulgin; reported by G.K. Repinskii. *Russkaya starina = Russian Antiquity*, 1876, vol. 15, no. 1, pp. 217–218. (In Russ.).

2. Burov V.A. Attribution of burial under the tombstone of 1856 to P. I. Kalnyshevsky (+1803) on the territory of the Solovetsky Monastery. *Solovetskoe more = Solovetsky Sea*, 2021, no. 20, pp. 95–104. (In Russ.).

3. Burov V.A. Two lives of the last ataman of the Zaporozhye Sich Petr Kalnishevskii – past and present. *Solovetskoe more = Solovetsky Sea*, 2015, no. 15, pp. 80–86. (In Russ.).

4. Burov V.A. The first prisoner of the “first degree murder” prison of the Solovetsky Fortress. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Bulletin of the Tomsk State University. History*, 2018, no. 56, pp. 12–22. (In Russ.).

5. Gernet M.N. *Istoriya tsarskoi tyur'my: V 5 tomakh. Tom 1. 1762–1825* [History of the Tsar’s prison: In 5 volumes. Volume 1. 1762–1825]. Moscow: Gosyurizdat, 1960. 384 p.

6. Gribovskii V.V. Solovetsky confinement of Petr Kalnyshevskii in microhistoric drawing. In: *Kuban’ – Ukraina: voprosy istoriko-kul’turnogo vzaimodeistviya. Vyp 6. Posvyashchaetsya 170-letiyu so dnya rozhdeniya Vasilya Movy (Limanskogo)* [Kuban – Ukraine: issues of historical and cultural interaction. Issue 6. Dedicated to the 170th anniversary of the birth of Vasil Mova (Limanskii)]. Krasnodar, Kiev: EDVI, 2012. Pp. 216–230. Available at: <http://www.slavakubani.ru/kkv/land-management/law/enforcement-of-sanctions/solovetskoe-zaklyuchenie-petra-kalnyshevskogo-v-mikroistoricheskoy-prorisovke/> (In Russ.). (Accessed February 15, 2022).

7. Efimenko P.S. Kalnishevskii, the last Koshevoi of the Zaporozhian Sich (1691–1803). *Russkaya starina = Russian Antiquity*, 1875, vol. 14, no. 11, pp. 405–420. (In Russ.).

8. Ivanov A.P. *Solovetskaya monastyrskaya tyur'ma: kratkii istoriko-revolyutsionnyi ocherk* [Solovetsky Monastery Prison: brief historical and revolutionary essay]. Solovki: Byuro pechati USLON, 1927. 47 p.

9. Kolchin M.A. *Ssyl'nye i zatochennyye v ostrog Solovetskogo monastyrya v XVI–XIX vv.: istoricheskii ocherk* [The exiled and imprisoned in the Solovetsky Monastery Prison in the 16–19 centuries: historical essay]. Moscow: Posrednik, 1908. 176 p.

10. Meletii (Shergin M.A.) *Istoricheskoe opisanie pervoklassnogo stavropigial'nogo Solovetskogo monastyrya* [Historical description of the first-class stauropegic Solovetsky monastery]. Moscow: Tip. M.N. Lavrova i K, 1881. 312 p.

11. Oksenyuk A.A., Khutarev-Garnishevskii V.V. New information about the biography of P. I. Kalnyshevsky based on the materials of the archive of the Solovetsky Monastery. *Solovetskoe more = Solovetsky Sea*, 2021, no. 20, pp. 105–107. (In Russ.).

12. Prugavin A.S. *Monastyrskie tyur'my v bor'be s sektantstvom* [Monastic prisons in the fight against sectarianism]. Moscow: Tipo-lit. t-va I. N. Kushnerev i K, 1905. 132 p.

13. Skal'kovskii A.A. *Istoriya Novoi Sechi, ili poslednego Kosha Zaporozhskogo. V 3 chastyakh. Chast' 3* [History of the New Sich, or the last Kosh of Zaporozhye. In 3 parts. Part 3]. Odessa: Gor. tip., 1846. 296 p.
14. Frumenkov G.G. *Solovetskii monastyr' v 16–19 vekakh kak sekretnaya gosudarstvennaya tyur'ma i pogranichnaya voennaya krepost' Russkogo gosudarstva: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk* [Solovetsky Monastery in the 16th–19th centuries as a secret state prison and a border military fortress of the Russian state: Doctor of Sciences (History) dissertation abstract]. Arkhangelsk, 1966. 32 p.
15. Frumenkov G.G. *Uzniki Colovetskogo monastyrya. (Politicheskaya ssylka v Solovetskii monastyr' v 18–19 vekakh)* [Prisoners of the Solovetsky Monastery. (Political exile to the Solovetsky Monastery in the 18–19 centuries)]. Arkhangelsk: Severo-zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. 118 p. Available at: http://lib.ru/HISTORY/FRUMENKOW/uzniki_monastyrya.txt (accessed February 15, 2022).
16. Potemkin's petition to replace the Zaporozhye foreman with the death penalty by imprisonment in a monastery. *Kievskaya starina = Kiev Antiquity*, 1887, vol. 19, pp. 192–193. (In Russ.).
17. Evarnitskii D.I. *Poslednii koshevoi ataman Petr Ivanovich Kalnishevskii* [The last Koshevoi ataman Petr I. Kalnishevsky]. Novocherkassk: Tip. A. A. Karaseva, 1887. 15 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БЕЛОВА НАДЕЖДА АЛЕКСЕЕВНА – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и истории психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nade-belova@yandex.ru

NADEZHDA A. BELOVA – Candidate of Sciences (History), Associate Professor, associate professor of the Department of Philosophy and History of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, e-mail: nade-belova@yandex.ru

Статья поступила 15.02.2022

УДК 164.1

Идея как конструкт целостной системы знания¹

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА ОБОТУРОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия, oboturova@inbox.ru

А н н о т а ц и я . В статье анализируется понимание идеи как конструкта знания и деятельности в контексте дискуссий современной эпистемологии о соотношении в знании найденного и сделанного. Показано, что поиск путей преодоления дилеммы «найденное – сделанное» невозможен без современного понимания идеи конструкции, основанного на освобождении ее от ассоциации с идеей произвольной конструкции. В контексте сравнительного анализа конструктивизма Канта, современного радикального эпистемологического конструктивизма и конструктивного реализма показано, что конструирование «жизненных миров», картин познаваемой реальности происходит в рамках взаимодействия индивидуальных и коллективных субъектов познания, объединенных идеями как конструктами целостной системы знания и деятельности. Идея при этом выступает как концептуальный уровень познания, выражающий субстанциональное, всеобщее, закономерное, прогностическое основание практической деятельности.

К л ю ч е в ы е с л о в а : познание; эпистемология; конструкт; конструктивизм; радикальный конструктивизм; конструктивный реализм; идея; универсалии культуры.

5.7.1. Онтология и теория познания.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Оботурова Н. С. Идея как конструкт целостной системы знания // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2022. № 1 (4). С. 44–50.

Idea as a Construct of the Integral System of Knowledge

NATAL'YA S. OBOTUROVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, oboturova@inbox.ru

Abstract. The article analyzes understanding of the idea as a construct of knowledge and activity in the context of discussions of modern epistemology about the relationship in knowledge of what is found and what is done. It is shown that the search for ways to overcome the “found – done” dilemma is impossible without modern understanding of the idea of construction, based on separating it from association with the idea of arbitrary construction. In the context of comparative analysis of Kant's constructivism, modern radical epistemological constructivism and constructive realism, the article reveals that construction of “life worlds” and pictures of cognizable reality occurs within the framework of interaction of individual

© Оботурова Н. С., 2022

¹ Статья подготовлена на основании материалов диссертации Н. С. Оботуровой на соискание ученой степени доктора философских наук «Идея в структуре познания и деятельности», публикуется впервые.

and collective cognition subjects, united by ideas as constructs of the integral system of knowledge and activity. At the same time, the idea acts as a conceptual level of cognition expressing substantial, universal, natural, and predictive basis of practical activity.

Key words: cognition; epistemology; construct; constructivism; radical constructivism; constructive realism; idea; universals of culture.

5.7.1. Ontology and theory of cognition.

For citation: Oboturova N.S. Idea as a construct of the integral system of knowledge. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2022, no. 1 (4), pp. 44–50.

Актуальной проблемой современной философии познания является анализ взаимосвязи познания и конструктивной деятельности и тех конструктов, которые обеспечивают их целостность. Сегодня «основной вопрос, вокруг которого организуются практически все обсуждения в современной эпистемологии, звучит так: знание находится или конструируется?» [6, с. 82]. Традиционная эпистемология, решая его, акцентировала внимание на репрезентации и рассматривала познание преимущественно как отражение, «зеркало природы». Иное понимание сущности познания развивалось в рамках эпистемологического конструктивизма, утверждавшего, что «реальность, с которой имеет дело познание (как научное, так и обыденное) и в которой мы живем, – это не что иное, как конструкция самого субъекта – иногда сознательная, но чаще всего неосознаваемая» [2, с. 15]. Для того, чтобы преодолеть дилемму «найденное – сделанное», необходимо прежде всего освободиться от отождествления идеи конструкции с идеей произвольной конструкции, создав в то же время «такой образ познавательной деятельности по “открытию”, “обнаружению” фактов, законов, методологий и т. п., который наглядно показывал бы, насколько такая деятельность далека от зеркального отражения» [6, с. 82]. Для решения этой задачи необходим критический анализ опыта как классической, так и современной философии в исследовании конструктивной природы человеческого познания, а также роли идей в создании целостной системы знания и деятельности.

Проблема понимания познаваемой реальности как конструкции была поставлена в классической философии И. Кантом, которого, однако, нельзя безоговорочно назвать эпистемологическим конструктивистом, так как им были выявлены и те эпистемологические проблемы, которые невозможно решить с исключительно конструктивистских позиций. По Канту, познание имеет дело с предметами, которые произведены самим субъектом познания, но, хотя наше познание и начинается с опыта, это вовсе не означает, что оно целиком происходит из него. Для возможности самого опыта необходимы чистые априорные знания, «безусловно независимые от всякого опыта, а не независимые от того или иного опыта» [1, с. 106]. Чистые понятия разума, по Канту, есть трансцендентальные идеи, в которых «всякое опытное знание рассматривается как определенное абсолютной целокупностью условий» [1, с. 358]. Эти трансцендентальные идеи не вымышлены произвольно, а «даны природой самого раз-

ума и поэтому необходимо имеют отношение ко всему применению рассудка» [1, с. 359]. Кроме того, эти трансцендентальные понятия трансцендентны, так как выходят за пределы любого опыта, в котором мы никогда не увидим предмета, адекватного трансцендентальной идее. Анализируемые Кантом вопросы соотношения внутреннего и внешнего опыта, наличия материала для конструирования и субъекта конструирования приобрели особую значимость в контексте современного обсуждения проблемы конструктивизма и понимания основных идей радикального эпистемологического конструктивизма, представители которого рассматривают познание как продукт материальных процессов и действий, а не как нечто идеальное, духовное.

Конструктивистский подход к пониманию познания и идеального в современной философии был разработан в теории аутопоэзиса У. Р. Матураны и Ф. Х. Варелы, которые, анализируя проблему биологических корней человеческого понимания, утверждали, что наш опыт неотделим от нашей собственной биологической структуры и мы не видим «пространство», «цвета» реального мира, а «проживаем поле нашего зрения... наше собственное хроматическое пространство» [3, с. 24]. Феномен познания состоит не в простом постижении и «хранении» в голове фактов или объектов внешнего мира, а в том, что каждый акт познания рождает некий мир, поэтому любое действие является познанием, а любое познание – действием. С позиций такого эпистемологического конструктивизма «рождение мира связано с самыми глубокими корнями нашего когнитивного бытия» [3, с. 24], а так как эти корни находятся в самой сути биологической природы человека, то «рождение мира проявляется во всех наших действиях и во всем нашем бытии» [3, с. 24].

Позиция радикального эпистемологического конструктивизма не тождественна крайностям солипсизма и репрезентационализма, так как, с одной стороны, взаимодействия нашего организма с окружающей средой непрерывно «вызывают в нервной системе структурные изменения, которые моделируют ее динамику состояний...» [3, с. 149], но, с другой стороны, работа нервной системы не может быть только репрезентационалистской, так как «структурное состояние нервной системы определяет, какие возмущения возможны и какие изменения могут их вызывать» [3, с. 149]. Поскольку нервная система не выбирает информацию из окружающей среды, а «создает мир, указывая, какие паттерны окружающей среды могут считаться возмущениями и какие изменения возбуждают их в организме» [3, с. 149], определение мозга как устройства, обрабатывающего информацию, неверно, а знанием являются эффективные действия в тех областях, в которых ожидается ответ. Отсюда следует и разная когнитивная оценка поведения одного и того же субъекта в контексте различных отношений, а познание представляет собой «эффективное действие, и по мере узнавания того, как мы познаем, мы порождаем самих себя» [3, с. 215]. Таким образом, с позиций радикального конструктивизма мы познаем только тот мир, который создан нами вместе с другими людьми.

Современные концепции радикального эпистемологического конструктивизма отличаются от более последовательных взглядов Канта, для которого

было «непозволительно претендовать на изучение глубинных оснований познания частно-научным способом» [2, с. 17]. Изучение работы мозга и нервной системы, фактов эмпирического сознания не равносильно, с точки зрения Канта, изучению трансцендентальной структуры сознания, конструирующей деятельности трансцендентального субъекта. Они являются лишь предпосылками научного познания и поэтому находятся вне сферы научного исследования, ибо наука уже предполагает эти трансцендентальные условия.

Основой научного познания, с точки зрения Канта, является архитектоника чистого разума как искусство построения системы, благодаря которому обыденное знание становится наукой. При этом система понимается Кантом как единство многообразных знаний, объединенных одной идеей как понятием разума о «форме некоторого целого, поскольку им а priori определяется объем многообразного и положение частей относительно друг друга» [1, с. 680]. Идея как конструктор системы знания «нуждается для своего осуществления в схеме, т.е. в а priori определенном из принципа цели существенном многообразии и порядке частей» [1, с. 680]. Именно схема, построенная на основе идеи, создает архитектурное, а не техническое единство, исходящее не из главной цели разума, а из эмпирических, случайно представляющихся целей. Науку, с точки зрения Канта, создают, полагая в ее основу идею, поэтому объединять и определять науки следует не соответственно описаниям, даваемым их основателями, а «соответственно идее, которая ввиду естественного единства составленных им частей оказывается основанной в самом разуме» [1, с. 681].

Таким образом, кантовское понимание сущности познания и роли в нем идей принципиально отличается от теорий радикального эпистемологического конструктивизма. С точки зрения Канта, изучение конструирующей деятельности трансцендентального субъекта находится вне сферы научного исследования. Представители радикального эпистемологического конструктивизма, напротив, пытались частно-научным способом понять познание как конструктивную деятельность, в результате чего пришли к выводу, что сами эти системы и теория аутопоэзиса представляют собой «лишь продукт конструктивной деятельности того, кто их изучает, а конструирующая деятельность исследователя – продукт конструктивной деятельности другого исследователя – того, кто изучает первого и т. д. до бесконечности» [2, с. 17–18]. В результате получился замкнутый круг, ибо теория начала отрицать свои собственные предпосылки.

Сегодня проблема конструктивизма вновь актуализировалась, так как происходящие под влиянием цифровых технологий радикальные сдвиги затронули все сферы индивидуального и общественного бытия [4] и привели к необходимости концептуального осмысления феномена медиареальности. Изменения в концептосфере связаны с осмыслением «таких фундаментальных констант, как реальность, пространство, время, антропологические предустановки, конституирование мироокружного и пр.» [5, с. 13], в определении горизонтов которых востребован опыт конструктивизма. Современным его развитием в отечественной философии стала эпистемологическая

установка конструктивного реализма, разработанная В. А. Лекторским, показавшим возможность исследования познавательной деятельности в ее глубинных основаниях методами, принятыми в науке, но на основе иных предпосылок. В качестве последних, с точки зрения В. А. Лекторского, выступает то, что «познающий субъект – это не система, замкнутая на себя (как считают представители радикального эпистемологического конструктивизма), а система, открытая миру, и что именно в этом специфическая особенность познающих систем» [2, с. 18]. Поэтому и конструируемая нами картина реальности в чем-то соответствует самой реальности, а используемые в познании понятия, категории, идеи, схемы мышления соотносятся с исследуемым миром.

Для обоснования конструктивного реализма, в рамках которого познающие системы представляются не замкнутыми сами на себя, а открытыми миру, В. А. Лекторским используются идеи экологической теории восприятия Дж. Гибсона, теории динамических систем Ф. Варелы и др., рассматривающие познание не просто как внутренний процесс познающего субъекта, а как динамическую систему, в которой психика, тело познающего существа и окружающий мир выступают тремя аспектами единой действительности. При таком подходе снимаются границы между «внутренним» и «внешним», познание не противопоставляется внешнему миру, а видится изначально включенным в реальность, которая существует объективно, а не является лишь конструкцией познающего субъекта. В результате этого познание, обладающее конструктивными функциями, имеет дело с реальностью, но «вырезает» из нее то, что соотносится с его собственной деятельностью.

Таким образом, конструктивный реализм исходит из признания «реального существования исторически меняющихся систем коллективной деятельности и коммуникации, из реального существования индивидов, включенных в эти системы» [2, с. 19]. При этом индивидуальное познание понимается как элемент коллективного познавательного процесса, что опровергает позицию эпистемологического солипсизма радикального конструктивизма.

С позиций конструктивного реализма познающий субъект, существующий в социальных коммуникациях, является одновременно продуктом и условием социально-культурного конструирования. Познание при таком подходе трактуется как коллективный исторически меняющийся социально-культурный процесс, который «предполагает существование реального мира, реальной коммуникации и деятельности, реального взаимодействия людей с познаваемыми предметами и друг с другом» [2, с. 20]. В рамках такого взаимодействия и происходит конструирование «жизненных миров», картин познаваемой реальности, индивидуальных и коллективных субъектов познания, объединенных идеями как конструктами целостной системы знания и деятельности.

Конструктивными основаниями системной целостности человеческого познания и жизнедеятельности выступают мировоззренческие универсалии культуры – категории, идеи, концепты, которые являются регулятивами, базисными ценностями. Их роль становится особенно актуальной в переломные,

кризисные моменты развития общества, цивилизации, когда необходимо, с одной стороны, критически переработать традиционные, ранее казавшиеся очевидными смыслы мировоззренческих универсалий, а с другой – сохранить культурную цивилизационную преемственность, мировоззренческие скрепы, «не выплеснув вместе с водой ребенка». Особое значение в такие моменты приобретают философские идеи, ибо, выступая как концептуальный уровень познания, отражение и продолжение универсалий культуры, их рефлексия, философские категории и идеи конструируют «их возможные новые смыслы, часто задолго до того, как они оказываются востребованы в реальном историческом процессе социальных перемен» [7, с. 23], что и является в конечном итоге основанием целостности и преемственности знания и практической деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кант, И. Сочинения в шести томах. Том 3 / И. Кант. – Москва : Мысль, 1964. – 799 с.
2. Лекторский, В. А. Кант, радикальный конструктивизм и конструктивный реализм в эпистемологии / В. А. Лекторский // Вопросы философии. – 2005. – № 8. – С. 11–21.
3. Матурана, У. Древо познания: биологические корни человеческого понимания / У. Матурана, Ф. Варела. – Москва : Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с. – ISBN 5-89826-103-6.
4. Нагорных, Р. В. О совершенствовании административно-правового регулирования в условиях цифровизации экономики / Р. В. Нагорных // Юридическое образование и наука. – 2021. – № 3. – С. 39–44. – DOI 10.18572/1813-1190-2021-3-39-44.
5. Соколов, Е. Г. «Онтологическая» фикция / Е. Г. Соколов // Вопросы философии. – 2020. – № 3. – С. 13–16.
6. Сокулер, З. А. Философская теория познания: будущее под вопросом? / З. А. Сокулер // Вопросы философии. – 2017. – № 12. – С. 79–90.
7. Степин, В. С. Анализ структуры и динамики науки в социокультурном контексте. Материалы обсуждения избранных трудов В. С. Степина / В. С. Степин, В. И. Аршинов, А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский, Б. И. Пружинин, В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 2017. – № 12. – С. 5–31.

REFERENCES

1. Kant I. *Sochineniya v shesti tomakh. Tom 3* [Essays in six volumes. Volume 3]. Moscow: Mysl', 1964. 799 p.
2. Lektorskii V.A. Kant, radical constructivism and constructive realism in epistemology. *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*, 2005, no. 8, pp. 11–21. (In Russ.).
3. Maturana U., Varela F. *Drevo poznaniya: biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya* [The Tree of Knowledge: biological roots of human understanding]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2001. 224 p.
4. Nagornykh R.V. On improving administrative and legal regulation in the conditions of digitalization of the economy. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka = Legal Education and Science*, 2021, no. 3, pp. 39–44. DOI 10.18572/1813-1190-2021-3-39-44. (In Russ.).
5. Sokolov E.G. "Ontological" fiction. *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*, 2020, no. 3, pp. 13–16. (In Russ.).
6. Sokuler Z.A. Philosophical theory of cognition: the future is in question? *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*, 2017, no. 12, pp. 79–90. (In Russ.).

7. Stepin V.S., Arshinov V.I., Guseinov A.A., Lektorskii V.A., et al. Analysis of the structure and dynamics of science in a socio-cultural context. Materials of discussion of selected works of V.S. Stepin. *Voprosy filosofii = Problems of Philosophy*, 2017, no. 12, pp. 5–31. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА ОБОТУРОВА – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и истории психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, oboturova@inbox.ru

NATAL'YA S. OBOTUROVA – Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, professor of the Department of Philosophy and History of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, oboturova@inbox.ru

Статья поступила 26.01.2022

УДК 364.44

Философские ценности добровольчества как социального феномена современной жизни

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА АУЛА

Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия, eraula@chsu.ru

А н н о т а ц и я . В данной статье добровольчество рассматривается с точки зрения аксиологического подхода. Автор анализирует определения понятия «добровольчество» отечественными авторами, выделяет особенности наиболее распространенной его интерпретации в научной литературе. На основании исследования различных подходов делается вывод о том, что философскими ценностями добровольчества являются альтруизм, гуманизм, милосердие, бескорыстие, свобода и равенство отношений, рассматривается процесс их воплощения в добровольческих практиках. Социальное добровольчество определяется как вид добровольчества, в котором указанные ценностные категории имеют наибольшую значимость. Акцентируется внимание на трансформации ценностей и мотивов субъектов волонтерской деятельности в XXI в., когда она воспринимается как способ достижения личных целей, а главной ее функцией является удовлетворение собственных социально ориентированных потребностей, а не потребностей благополучателей.

К л ю ч е в ы е с л о в а : добровольчество; волонтерство; ценности добровольчества; гуманизм; бескорыстие; мотивы добровольчества.

5.7.7. Социальная и политическая философия.

Для цитирования: Аула Е. Р. Философские ценности добровольчества как социального феномена современной жизни // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2022. № 1 (4). С. 51–56.

Philosophical Values of Volunteerism as a Social Phenomenon of Modern Life

EKATERINA R. AULA

Cherepovets State University, Cherepovets, Russia, eraula@chsu.ru

A b s t r a c t . In this article volunteerism is considered from the point of view of an axiological approach. The author analyzes definitions of the concept “volunteerism” by domestic authors, highlights features of its most common interpretation in the scientific literature. Having studied various approaches, the author identifies philosophical values of volunteerism, such as altruism, humanism, charity, selflessness, freedom and equality of relations, and considers the process of their implementation in volunteer practices. Social volunteerism is defined as a type of volunteerism in which these value categories are of the greatest importance. Attention is focused on transforming values and motives of volunteer activity subjects in the 21st century, when it is perceived as a way to achieve personal goals, and its

main function is to satisfy their own socially oriented needs, and not the needs of the beneficiaries.

Key words: volunteerism; values of volunteerism; humanism; selflessness; motives of volunteerism.

5.7.7. Social and political philosophy.

For citation: Aula E.R. Philosophical values of volunteerism as a social phenomenon of modern life. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2022, no. 1 (4), pp. 51–56.

В настоящее время в современном российском обществе значительное внимание уделяется исследованию социального феномена добровольчества, которое приобретает все большую актуальность и популярность среди людей, принадлежащих к разным возрастным, демографическим и социальным группам. Оказывая влияние на мировоззрение людей, развивающееся добровольческое движение приносит пользу как государству, так и обществу в целом. На сегодняшний день существует множество различных трактовок данного явления, что свидетельствует о его многоаспектном характере. В рамках исследования философских ценностей добровольчества нам кажется целесообразным акцентировать внимание на ряде следующих определений, предложенных отечественными авторами.

Согласно трактовке Л. В. Болотовой «добровольчество – это деятельностная форма благотворительности, мотивированная гуманистическими ценностными ориентациями субъекта, не ставящего целью получение для себя материальной выгоды, и выражающаяся в виде непринудительного альтруистического труда, направленного на социальную поддержку людей, не состоящих с ним в родственных, соседских, дружеских и иных личных связях. Ее аксиологический смысл – бескорыстное служение людям» [2, с. 8].

Л. Ф. Козодаева определяет добровольчество как деятельность, выполняющую функцию сохранения и передачи духовных традиций, выступающую механизмом компенсации дефицитов социальной справедливости, являющуюся средством утверждения в обществе ценностей добра и милосердия [3, с. 121]. Л. А. Кудринская рассматривает добровольчество как преимущественно альтруистическую свободную деятельность граждан, направленную на благодеяние, решение социальных проблем и развитие общества [4, с. 21]. Схожие трактовки можно встретить в работах исследователей добровольчества И. В. Мерсияновой, Л. И. Якобсона [6], И. Ю. Менщиковой, Л. Е. Сикорской. Особенностью подхода данных авторов к определению добровольчества является понимание феномена добровольчества как деятельности, носящей альтруистический характер, олицетворяющей милосердие и гуманность, проявляющейся в бескорыстном и свободном служении людям. Аксиологический смысл добровольчества заключается в его высокой значимости как для общества, так и для субъекта добровольческой активности. На основании анализа имеющихся точек зрения можно выделить следующие философские ценности добровольчества, которые являются традиционными

для нашей страны и связаны с национальной историей: альтруизм, гуманизм, милосердие, справедливость, бескорыстие, свобода, равенство.

Альтруизм – категория нравственности, предписывающая бескорыстные действия, направленные на благо (удовлетворение интересов) других людей [1, с. 56]. Предполагается, что, руководствуясь данной ценностью, человек осуществляет добровольческую деятельность, главной целью которой является разрешение тяжелой жизненной ситуации людей, чьи интересы выходят на первый план.

В философском знании гуманизм трактуется как система построения общества, при которой наивысшей ценностью является жизнь человека, а все силы должны быть направлены на то, чтобы сделать эту жизнь максимально комфортной. Гуманность – это особое отношение к другому; система нравственных и социальных установок, предполагающая необходимость проявления сочувствия к людям и оказания им необходимой помощи. Являясь одной из главных ценностей идеологии добровольчества, гуманизм предписывает соблюдение прав человека, формирует доброжелательное и толерантное отношения к благополучателям.

Главной чертой милосердия выступает сострадание по отношению к нуждающимся, обездоленным и страдающим, а добровольчество – это не что иное, как осуществление человеком конкретной социально значимой деятельности с конкретно выраженной добротой.

Под свободой в добровольчестве понимается свобода выбора, воли и действия в отношениях с социумом. Нельзя заставить человека заниматься тем, чем он не желает заниматься, принуждать к деятельности, идеалы которой не откликаются в его душе. Вместе с тем доброволец руководствуется осознанием социальной необходимости своего труда, признавая его значимость для общества в целом. Следует помнить, что добровольчество – это прежде всего акт доброй воли, любое принуждение нарушает саму его суть.

Справедливость и равенство предполагают признание за любым человеком права на уважение и помощь вне зависимости от его социального положения или наличия родственных связей. Отметим, что данные ценности должны учитываться и при организации добровольческой деятельности, чтобы ни для кого не ограничивались возможности ее осуществления вне зависимости от пола, возраста, религиозных убеждений, социального статуса и т. д.

И конечно, одной из самых важных ценностей добровольчества является бескорыстие, предполагающее отсутствие материальной заинтересованности у того, кто уделяет свое время решению трудных жизненных ситуаций посторонних ему людей. Именно оказание индивидом безвозмездной помощи на добровольных началах представляет собой сущностный смысл всего социального и выступает одним из фундаментальных отличий человека как общественного существа от любого другого природного организма.

Все вышеуказанные философские ценности находят свое отражение главным образом в социальном добровольчестве, под которым понимается участие добровольцев (волонтеров) в оказании безвозмездной помощи гражданам, нуждающимся в социальной поддержке и социальном обслуживании, то

есть всем незащищенным слоям населения (инвалидам, воспитанникам детских домов, пожилым одиноким людям, требующим внимания и постоянного ухода, терминальным больным и др.). Так, примером социального добровольчества современности может служить акция под названием «МыВместе». Это объединившая страну в период пандемии COVID-19 идея помощи людям, которым пришлось оставаться дома из-за эпидемиологической ситуации: горожанам старшего возраста и тем, у кого есть хронические заболевания.

Основной группой мотивов для участия в социальном добровольчестве исследователи считают так называемые мотивы альтруизма – чувства солидарности и идентификации себя с обездоленными и страдающими, а также желание дать надежду и достоинство людям. Мотивы альтруизма можно отнести к традиционным мотивам участия в добровольчестве, а социальное добровольчество – к традиционным его направлениям.

Последние крупномасштабные исследования в России показывают, что в современном обществе, несмотря на признание необходимости расширения участия именно в сфере социального добровольчества и сохранение его лидирующих позиций среди всех направлений, популярность набирают и другие виды волонтерства. Так, например, по результатам опроса, проведенного Фондом общественного мнения в 2019 г., молодежь в возрасте от 18 до 30 лет, обладающая главным потенциалом в преобразовании социального пространства и участии в добровольческом движении, преимущественно занимается экологически полезной деятельностью и помощью в рамках своих профессий (например, фотосъемка, написание текстов и т. д.) [5]. Развивается и такой вид добровольчества, как событийное, которое заключается в оказании помощи в проведении мероприятий местного, регионального, федерального и международного уровня (например, Олимпиада в Сочи). Часто на подобных мероприятиях можно увидеть старших школьников и студентов, часть которых, например, мотивирована дополнительными баллами при поступлении в некоторые вузы или получением повышенной стипендии.

При этом главным мотивом для 48 % опрошенных добровольцев в 2017 г., по результатам интервью ВЦИОМ, является отнюдь не альтруизм, милосердие и прочие философские ценности, а возможность интересно проводить время и жить активной жизнью [7].

Все это свидетельствует о трансформации ценности добровольчества в XXI в. для части граждан в направлении, когда наибольшую ценность данный вид деятельности приносит не благополучателям, а самим добровольцам. За счет чего это происходит? Отмеченные изменения связаны с распространением субъективных оценок добровольцами ценности своего труда через удовлетворенность ее процессом и полученными результатами, опытом, полезными связями, накопленным социальным капиталом. В результате на личностном уровне у индивидов формируются такие ценности, как ответственность, инициативность, осознанность, самостоятельность, приверженность делу, сопричастность и т. д. Главные группы мотивов добровольчества в итоге образуют так называемые социальные мотивы, которые строятся на основе контактов с другими людьми и потребности в идентификации себя с некой

социальной группой, и материальные мотивы, предполагающие достижение личных целей и удовлетворение личных потребностей (это может быть желание реализовать себя, усовершенствовать свои навыки, получить опыт, необходимый при устройстве на работу, обрести полезные связи и много другое).

Таким образом, в современном российском обществе наряду с традиционными ценностями добровольчества (альтруизм, милосердие, гуманизм, справедливость, равенство, солидарность, бескорыстие), которые воспринимаются преимущественно как благо, получаемое людьми, нуждающимися в помощи, проявляются и другие ценности – ответственность, инициативность, самостоятельность, социальный капитал, социальный опыт, которые связаны с получением как личной, так и социально ориентированной удовлетворенности самим волонтером. Это позволяет говорить о философском синтезе личных и общественных, материальных и духовных ценностей, альтруизма и эгоизма, которые в своей дуалистической значимости раскрывают новые важные грани современного феномена добровольчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арефьев, М. А. Альтруистическая этика в синтетической философии П. А. Кропоткина / М. А. Арефьев, А. Г. Давыденкова // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2021. – № 3. – С. 53–65.
2. Болотова, Л. В. Организация добровольческой деятельности как аспект вузовской подготовки будущих социальных работников : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Болотова Лариса Владимировна. – Тамбов, 2007. – 23 с.
3. Козодаева, Л. Ф. Добровольческая деятельность как основа воспитания нравственных качеств студенческой молодежи / Л. Ф. Козодаева // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 11. – С. – 121–126.
4. Кудринская, Л. А. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика / Л. А. Кудринская // Социологические исследования. – 2006. – № 5. – С. 15–22.
5. Масштабы и потенциал волонтерства // Фонд «Общественное мнение» : официальный сайт. – URL : <https://fom.ru/TSennosti/14303> (дата обращения: 13.12.2021).
6. Мерсиянова, И. В. Практики филантропии в России: вовлеченность и отношение к ним населения / И. В. Мерсиянова, Л. И. Якобсон. – Москва : Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2009. – 163 с. – ISBN 978-5-7598-0700-1.
7. Что вдохновляет волонтеров // Всероссийский центр изучения общественного мнения : официальный сайт. – URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chto-vdokhnovlyaet-volonterov> (дата обращения: 13.12.2021).

REFERENCES

1. Aref'ev M.A., Davydenkova A.G. Altruistic ethics in the synthetic philosophy of P. A. Kropotkin. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina = Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*, 2021, no. 3, pp. 53–65. (In Russ.).
2. Bolotova L.V. *Organizatsiya dobrovol'cheskoi deyatel'nosti kak aspekt vuzovskoi podgotovki budushchikh sotsial'nykh rabotnikov: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Organization of volunteer activity as

an aspect of university training of future social workers: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Tambov, 2007. 23 p.

3. Kozodaeva L.F. Voluntary activity as a basis for the education of moral qualities of student youth. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, 2010, no. 11, pp. 121–126. (In Russ.).

4. Kudrinskaya L.A. Volunteer labor: essence, functions, specifics. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2006, no. 5, pp. 15–22. (In Russ.).

5. Scale and potential of volunteering. *Fond "Obshchestvennoe mnenie": ofitsial'nyi sait* ["Public Opinion" Foundation: official website]. Available at: <https://fom.ru/TSennosti/14303> (In Russ.). (Accessed December 13, 2021).

6. Mersiyanova I.V., Yakobson L.I. *Praktiki filantropii v Rossii: вовлеченност' i otnoshenie k nim naseleniya* [Philanthropy practices in Russia: involvement and attitude of the population to them]. Moscow: Izdatel'skii dom Gosudarstvennogo universiteta Vyshei shkoly ekonomiki, 2009. 163 p.

7. What inspires volunteers. *Vserossiiskii tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya: ofitsial'nyi sait* [All-Russian Center for the Study of Public Opinion: official website]. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chto-vdokhnovlyaet-volonterov> (In Russ.). (Accessed December 13, 2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА АУЛА – аспирант кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета, Череповец, Россия, eraula@chsu.ru

EKATERINA R. AULA – Postgraduate student of the Department of History and Philosophy of Cherepovets State University, Cherepovets, Russia, eraula@chsu.ru

Статья поступила 20.12.2021

УДК 124.5

Взаимодополнительность права и морали в контексте взглядов И. Канта и М. М. Бахтина

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОНОНОВ

Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия, Alexey190489@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме соотношения права и морали. Взаимосвязь между указанными социальными регуляторами анализируется с теоретико-методологических позиций этико-правового учения И. Канта и философии поступка М. М. Бахтина. Исследование имеет своей целью раскрыть взаимодополнительную природу правовой и моральной систем в контексте взаимоотношения индивидуального и социального начал в обществе. Автором последовательно анализируются учение И. Канта о соотносительности юридических и этических законов, диалектика поступка в философии М. М. Бахтина, раскрывается взаимодополнительность права и морали в поступающем бытии. В результате утверждается, что правовой и моральный типы нормативности представляют собой особые формы духовно-практического освоения действительности, содержание которых образует триада элементов: субъект, норма, отношение. Каждый из перечисленных элементов правовой и моральной систем проявляет себя в хронотопе поступка, а сами указанные системы являются частным аспектом взаимоотношения «человек – общество».

Ключевые слова: право; мораль; И. Кант; М. М. Бахтин; философия поступка.

5.7.7. Социальная и политическая философия.

Для цитирования: Кононов А. А. Взаимодополнительность права и морали в контексте взглядов И. Канта и М. М. Бахтина // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2022. № 1 (4). с. 57–64.

Complementarity of Law and Morality in the Context of Views of I. Kant and M.M. Bakhtin

ALEKSEI A. KONONOV

Cherepovets State University, Cherepovets, Russia, Alexey190489@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of correlation of law and morality. Relationship between these social regulators is analyzed from theoretical and methodological positions of ethical and legal teachings of I. Kant and philosophy of the act of M.M. Bakhtin. The research aims to reveal the complementary nature of legal and moral systems in the context of the relationship between individual and social principles in society. The author consistently analyzes teachings of I. Kant on correlation of legal and ethical laws and the dialectic of action in the philosophy of M.M. Bakhtin, reveals complementarity of law and morality in the incoming being. As

a result, it is argued that the legal and moral types of normativity are special forms of spiritual and practical development of reality, the content of which forms a triad of elements: subject, norm, attitude. Each of the listed elements of the legal and moral systems manifests itself in the chronotope of the act, and these systems themselves are a private aspect of the relationship “man – society”.

Key words: law; morality; I. Kant; M.M. Bakhtin; philosophy of action.

5.7.7. Social and political philosophy.

For citation: Kononov A.A. Complementarity of law and morality in the context of views of I. Kant and M.M. Bakhtin. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2022, no. 1 (4), pp. 57–64.

Право и мораль являются социально-нормативными системами. Сложившись в качестве самостоятельных типов нормативности, они опосредуют отношение «человек – общество», обеспечивая, с одной стороны, стабильное функционирование и развитие социальных структур, с другой – реализацию человеком себя в системе общественных отношений. Решение вопроса о природе взаимосвязи права и морали напрямую влияет на соотношение индивидуального и социального начал в обществе. Практическая значимость указанного вопроса обусловлена необходимостью сбалансированного достижения выделенных целей социального регулирования.

Проблема соотношения правовой и моральной регуляции находится в фокусе философской рефлексии со времен Античности и остается актуальной по сей день. На современном этапе развития философских наук она характеризуется как междисциплинарная, поскольку разрабатывается в рамках социальной философии, этики, философии права, аксиологии, философской антропологии. Данное обстоятельство указывает на ее теоретическую значимость.

Представляется возможным несколько дополнить классификацию подходов к пониманию соотношения права и морали, предложенную в начале XX в. профессором И. В. Михайловским [6, с. 143–160], выделив следующие четыре группы:

- концепции моральности права, утверждающие необходимую связь между моралью и правом, в которой последнее определяется в качестве эпифеномена (данную группу образуют многочисленные теории от концепций «права как минимума морали» до позиций, отождествляющих право и мораль);
- концепции, утверждающие эпифеноменальный характер морали по отношению к праву (скандинавский правовой реализм);
- концепции, отрицающие наличие необходимой связи между правом и моралью (правовой позитивизм);
- концепции взаимодополнительности права и морали, в которых данные типы нормативности разграничиваются как внешний и внутренний регуляторы (кантианское этико-правовое учение).

Все перечисленные подходы сохраняют актуальность и активно развиваются и углубляются в современной философии. Они выступают в качестве теоретико-методологической основы для постановки и решения проблемы

соотношения права и морали во всем ее многообразии. От избранного подхода зависит взгляд исследователя на сущность правового и морального типов нормативности, их общее и особенное, а также характер их взаимосвязи в обществе. Следовательно, любым рассуждениям о соотношенности данных социальных регуляторов предшествует выбор сложившейся теоретико-методологической базы.

В свете изложенного несомненный интерес представляет попытка по-новому взглянуть на теоретико-методологическую ценность кантианской концепции взаимодополнительности права и морали через призму философии поступка М. М. Бахтина. В современной научной литературе имеются интересные и глубокие исследования по данному вопросу [2], однако представляется, что в силу новизны и актуальности данное направление не является исчерпанным.

Целью настоящей статьи является рассмотрение проблемы соотношения права и морали с позиции теории их взаимодополнительности, предложенной И. Кантом, и в свете философии поступка М. М. Бахтина. Достижение цели исследования предполагает последовательное решение следующих задач: характеристика теории взаимодополнительности права и морали, предложенной И. Кантом; анализ концепции поступка М. М. Бахтина; исследование природы взаимодополнительности права и морали в хронотопе поступка.

Концепция взаимодополнительности права и морали в концентрированном виде изложена И. Кантом в работе «Метафизика нравов» 1797 г. [4, с. 120–121]. Философ предлагает различать законы свободы (моральные законы) и законы природы. В свою очередь, первые разделяются на юридические законы, имеющие своим исключительным предметом свободно совершаемые внешние поступки и их законосообразность, и этические законы, которые сами выступают для человека определяющим основанием поступка, и предполагают совокупность как внутренней, так и внешней свободы.

В последующей философской традиции предложенное этико-правовое учение неоднократно подвергалось критике за формализм. Основанием для критических замечаний явились рассуждения мыслителя о достаточности доброй воли самой по себе, независимо от достижения человеком целей морально-должного во вне [3, с. 229]. Показательно, что с критикой данного положения выступили не только оппоненты кантианства, но также и представители неокантианства.

На фоне звучащей в адрес мыслителя критики представляет несомненный интерес мнение видного отечественного философа Э. Ю. Соловьева, который предлагает рассматривать законы свободы в качестве не искусственных установлений, но фактов сознания, выявляемых активным разумом [8, с. 42]. Иными словами, кантианская трактовка законов свободы предполагает их феноменологическое переживание человеком. Неудивительно, что демаркационной линией в соотношенности права и морали выступает некая объективированная совокупность общих и специфических черт права и морали, рассматриваемых как социально-нормативные системы, а сам человек, существующий, с одной стороны, в объективированном мире социальных

структур и отношений (мире сущего), а с другой – в мире культурных символических форм (мире ценностно-должного).

Из сказанного следует, что природа взаимодополнительности права и морали определяется решением более широкой по своему содержанию философской проблемы соотношения должного и сущего, которая была поставлена шотландским философом Д. Юмом в 1740 г. в «Трактате о человеческой природе» (гильотина Юма) [9, с. 511].

Именно это решение лежит в основе построения событийной модели социальной реальности, предложенной М. М. Бахтиным. Преодоление пропасти между миром сущего и миром должного видится М. М. Бахтину в поступке. В хронотопе поступающего бытия в структуре социальной реальности происходит встреча должного и сущего. Должное рассматривается мыслителем как объективированный, общезначимый мир культуры, представленный во всем многообразии образующих его содержание культурных символов, в том числе ценностно-нормативной природы. Мир сущего представлен в человеческом бытии. При этом для М. М. Бахтина не существует некоего абстрактного человека вообще. Человек есть уникальная идентичность в единственном единстве его бытия. Следовательно, и социальные взаимодействия есть отношения между индивидуальными, неповторимыми мирами поступающих сознаний, из совокупности которых складывается целокупность единого и единственного бытия-события как общего момента их конкретных архитектур [1, с. 38, 43].

Актуализация культурных символов через наличное бытие человека в поступке становится возможной посредством механизма вживания-объективации. Как совершенно верно отмечает М. М. Бахтин, объективированный мир культуры во всем многообразии его феноменов представляет собой лишь некоторую потенцию по отношению к человеку. Культурные феномены, включая ценности и нормы, не содержат в себе механизма актуализации в мире сущего [1, с. 25, 37]. Реализация должностного в наличном бытии возможна лишь в человеке и через него. Наличие определенных ценностей и норм само по себе не является безусловным основанием для реализации индивидом их содержания в своем существовании. Человек выступает в качестве активного начала актуализации объективированных культурных символов. Вживание участного, поступающего бытия в поступке раскрывается через категорию ответственности. При этом ответственность понимается не как событие, следующее за актом вживания и в этом смысле объективированное относительно человека, но само вживание есть ответ человека на переживаемые им в своем бытии культурные феномены. Иными словами, процесс вживания в поступке раскрывается как ответственность поступающего бытия в его единственном единстве. М. М. Бахтин выделяет два аспекта ответственного вживания: нравственную ответственность и специальную ответственность. Важно подчеркнуть, что это не две разновидности ответственности, а именно два диалектически взаимосвязанных аспекта процесса ответственного вживания, без которых он невозможен. Специальная ответственность предполагает соответствие либо несоответствие поступка объективированным

культурным символам, в том числе ценностям и нормам. Нравственная ответственность выступает у М. М. Бахтина достаточно широким понятием и предполагает ответственность человека за усилие по ответственному вживанию в поступке. Схожим образом М. К. Мамардашвили определял жизнь как усилие во времени [5].

Ответственное вживание не просто механически соединяет в поступке культурные феномены и конкретного человека в единственном единстве его бытия. Процесс вживания не предполагает пассивное восприятие культурных феноменов как данности. Эти феномены переживаются индивидом с его единого и единственного места в мире. Ответственное вживание невозможно без эмоционально-волевой составляющей поступающего бытия. Следовательно, отдельные феномены мира культуры не просто даны человеку, но суть заданы в его ответственном переживании [1, с. 32].

Становясь местом встречи должного и сущего, поступок расширяет горизонт бытия, так как образующийся в результате вживания симбиоз уникальной идентичности человека и актуализированных им в своем бытии культурных символов приносит в этот мир нечто принципиально новое, ранее не существовавшее ни в мире культуры, ни в самом человеке. В свою очередь, последующая объективация поступка предполагает, что свершившийся поступок отрывается от человека. Он не может быть отменен, становясь частью объективированного мира культуры. Одновременно поступок образует часть уникальной идентичности поступающего бытия, обогащая человека.

Таким образом, в философии поступка М. М. Бахтин избегает крайностей индивидуализма, поскольку человек в единственном единстве его бытия ориентируется в поступке на объективированный и общезначимый мир культуры. С другой стороны, поскольку человек выступает активным началом в поступающем бытии и актуализации культурных символов, он не растворяется в тотальности мира культуры, сохраняя и обогащая свою идентичность. В этом заключается ключевое отличие философии поступка от этико-правового учения И. Канта, согласно которому всеобщий закон реализуется человеком через категорию долга [3, с. 235–236].

Следовательно, поступок возможно определить как основанное на диалектике вживания-объективации соединение и взаимный переход мира культуры (должного) и поступающего, участного, единственного единства бытия человека (сущего). Поступок одновременно имеет онтологическое, деонтологическое, аксиологическое и интенциональное значение для социальной реальности. С точки зрения диалектики вживания-объективации онтологический аспект поступающего бытия коррелирует объективации, тогда как деонтологический, аксиологический и интенциональный характер поступка проявляются в процессе вживания. Свершившийся, объективированный поступок приобретает онтологическое значение в структуре социальной реальности, поскольку множество поступков образуют динамически развивающуюся ткань социальной реальности. Интенциональность сознания является условием предзаданного, активного восприятия и переживания человеком культурных феноменов и коррелирует с нравственной ответственностью. В свою оче-

редь, деонтологический и аксиологический аспекты поступка характеризуют специальную ответственность и проявляются как следствие актуализации в поступающем бытии общезначимого.

В контексте рассмотренного выше событийного становления социальной реальности право и мораль предстают в качестве сложных социокультурных феноменов, которые одновременно принадлежат и миру должного, и миру сущего. В частности, правовой и моральный типы нормативности возможно представить в виде системы следующих элементов:

- правовой и моральный субъект;
- правоотношение и моральное отношение;
- правовая и моральная норма.

В терминологии философии поступка М. М. Бахтина человек, понимаемый в качестве поступающего, участного, единственного единства бытия, в системе правовой и моральной регуляции коррелирует с субъектом. Следовательно, правовой и моральный субъекты принадлежат к миру сущего.

Диалогичный характер взаимодействия человека с другими индивидами и социальными структурами в контексте права и морали образует соответствующие типы общественных отношений, которые также принадлежат к миру сущего. Правовые и моральные отношения представляют собой внешнюю, динамичную сторону поступка.

В свою очередь, правовые и моральные нормы являются частным моментом общезначимого мира культуры. Они не существуют сами по себе. Имея специфическую форму, коррелирующую правовому либо моральному типу нормативности, по своему содержанию данные нормы органически связаны с прочими культурными феноменами как внутри права и морали, так и за их пределами.

Таким образом, право и мораль являются особыми духовно-практическими формами освоения действительности [7], содержание которых образует поступок. Концепция взаимодополнительности права и морали, предложенная И. Кантом, в контексте философии поступка М. М. Бахтина предполагает рассмотрение и различение указанных типов нормативности в хронотопе поступка как основы событийного становления социальной реальности. В этом заключается принципиальное, качественное отличие рассмотренного подхода от всех остальных. Право и мораль исследуются не в качестве абстрактных социально-нормативных систем, различающихся определенным набором отличительных признаков, – их сущность и феномены, а также природа и характер взаимосвязи раскрываются в динамическом развертывании отношения человека и общества, сконцентрированного в событии «здесь-и-сейчас».

Важно подчеркнуть соблюдение баланса во взаимоотношении индивидуального и социального при использовании данного теоретико-методологического подхода. С одной стороны, это позволяет избежать крайнего индивидуализма, поскольку человек существует в мире объективированных культурных форм и диалогичном взаимодействии с другими. С другой стороны, человек не растворяется в социальном целом, поскольку именно в человеке и через него актуализируются феномены общезначимого.

Соответственно, взаимодополнительность права как внешнего регулятора и морали как регулятора, имманентного человеку, рассматривается через призму взаимоотношения индивидуального и социального начал в обществе, выступая одним из аспектов данного взаимоотношения. Использование указанной методологии исследования правового и морального типов нормативности, а также связи между ними позволит не только глубже понять их сущность и специфические черты, раскрыть особенности соотносительности в обществе, но также сделать выводы относительно общего вектора общественного развития и места человека в нем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин, М. М. Собрание сочинений. В 7 томах. Том 1. К философии поступка / М. М. Бахтин. – Москва : Русские словари. Языки славянской культуры, 2003. – 957 с. – ISBN 5-98010-006-7.
2. Гусейнов, А. А. Мораль и право: линия разграничения / А. А. Гусейнов // *Lex russica*. – 2018. – № 8. – С. 7–22. – DOI 10.17803/1729-5920.2018.141.8.007-022.
3. Кант, И. Собрание сочинений. В 6 томах. Том 4. Часть 1. Основы метафизики нравственности / И. Кант. – Москва : Мысль, 1965. – 544 с.
4. Кант, И. Собрание сочинений. В 6 томах. Том 4. Часть 2. Метафизика нравов в двух частях / И. Кант. – Москва : Мысль, 1965. – 544 с.
5. Мамардашвили, М. К. Из курса лекций в Тбилисском государственном университете (факультет искусства и гуманитарных профессий), 1984–1985 годы. Лекция первая / М. К. Мамардашвили // Мераб Мамардашвили : сайт. – URL: <https://mamardashvili.com/files/pdf/proust/Лекция%201.pdf> (дата обращения: 28.10.2021).
6. Михайловский, И. В. Очерки философии права / И. В. Михайловский. – Томск : Издание книжного магазина В. М. Посохина, 1914. – 604 с.
7. Разин, А. В. Духовно-практическое освоение действительности в морали и праве / А. В. Разин // *Lex russica*. – 2015. – № 4 (Том CI). – С. 104–112.
8. Соловьев, Э. Ю. Категорический императив нравственности и права / Э. Ю. Соловьев. – Москва : Прогресс-Традиция, 2005. – 434 с. – ISBN 5-89826-244-X.
9. Юм, Д. Собрание сочинений. В 2 томах. Том 1. Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам / Д. Юм. – Москва : Мысль, 1996. – 733 с. – ISBN 5-244-00763-7.

REFERENCES

1. Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenii. V 7 tomakh. Tom 1. K filosofii postupka* [Collected works. In 7 volumes. Volume 1. On the Philosophy of Action]. Moscow: Russkie slovari. Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003. 957 p.
2. Guseinov A.A. Morality and law: the line of demarcation. *Lex Russica*, 2018, no. 8, pp. 7–22. DOI 10.17803/1729-5920.2018.141.8.007-022. (In Russ.).
3. Kant I. *Sobranie sochinenii. V 6 tomakh. Tom 4. Chast' 1. Osnovymetafiziki npravstvennosti* [Collected works. In 6 volumes. Volume 4. Part 1. Fundamentals of the metaphysics of morality]. Moscow: Mysl', 1965. 544 p.
4. Kant I. *Sobranie sochinenii. V 6 tomakh. Tom 4. Chast' 2. Metafizika npravov v dvukh chastyakh* [Collected works. In 6 volumes. Volume 4. Part 2. Metaphysics of morals in two parts]. Moscow: Mysl', 1965. 544 p.
5. Mamardashvili M.K. From the course of lectures at Tbilisi State University (Faculty of Arts and Humanities), 1984–1985. Lecture 1. *Merab Mamardashvili: sait* [Merab Mamardashvili:

website]. Available at: <https://mamardashvili.com/files/pdf/proust/Lektsiya%201.pdf> (In Russ.). (Accessed October 28, 2021).

6. Mikhailovskii I.V. *Ocherki filosofii prava* [Essays on the philosophy of law]. Tomsk: Izdanie knizhnogo magazina V. M. Posokhina, 1914. 604 p.

7. Razin A.V. Spiritual and practical development of reality in morality and law. *Lex Russica*, 2015, no. 4, vol. SI, pp. 104–112. (In Russ.).

8. Solov'ev E.Yu. *Kategoricheskii imperativ npravstvennosti i prava* [Categorical imperative of morality and law]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2005. 434 p.

9. Yum D. *Sobranie sochinenii. V 2 tomakh. Tom 1. Traktat o chelovecheskoi prirode, ili popytka primenit' osnovannyi na opyte metod rassuzhdeniya k moral'nym predmetam* [Collected works. In 2 volumes. Volume 1. A treatise on human nature, or an attempt to apply an experience-based method of reasoning to moral subjects]. Moscow: Mysl', 1996. 733 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОНОНОВ – аспирант кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета, Череповец, Россия, Alexey190489@mail.ru

ALEKSEIA. KONONOV – Postgraduate student of the Department of History and Philosophy of Cherepovets State University, Cherepovets, Russia, Alexey190489@mail.ru

Статья поступила 21.01.2022